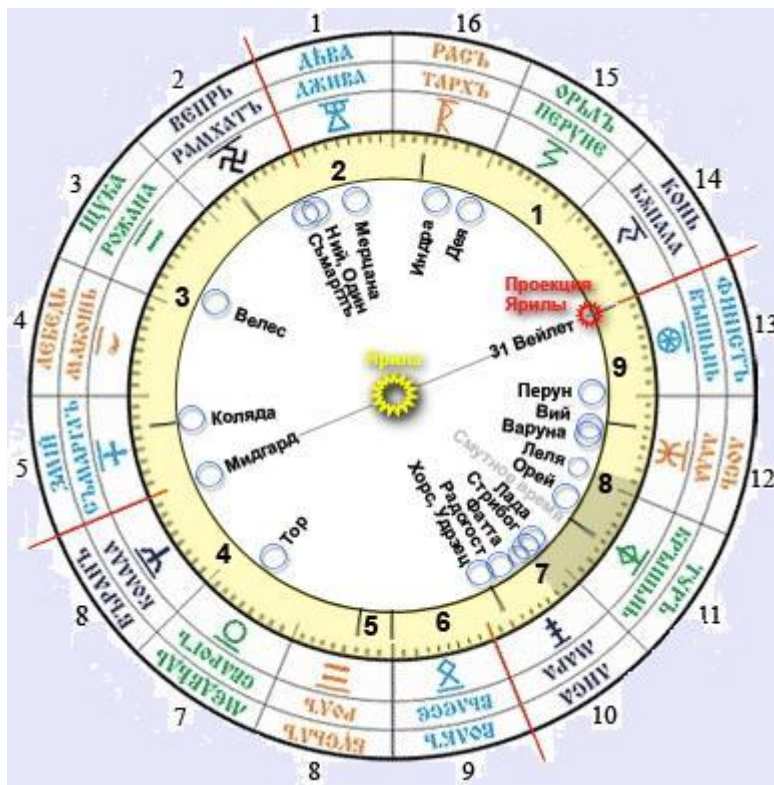

Мифология русских сказок

Чтобы понять древние сказы и смысл, заложенный в них, необходимо отказаться от современного мировосприятия и взглянуть на мир глазами людей живших в древние времена, когда и появлялись сами сказы. Ключами к настройке на древнее восприятие являются неизменные образные корни той или иной сказки. Например, животные это название чертогов на Сварожьем Круге, когда же они помогают - это нужно воспринимать как помощь предков, тотемное животное.

Как пишут в [Славяно-арийских ведах](#), первый Великий Потоп произошёл в результате уничтожения Луны Лели, одной из трёх Лун вращавшихся вокруг Мидгард-Земли в те времена.

Вот как говорят древние источники об этом событии: *“Чада вы Мои! Знайте, ходит Земля мимо Солнца, но Мои слова не пройдут мимо вас! И о древних временах, люди, помните! О Великом потопе, истребившем людей, о падении на матушку Землю огня!”* / Песни птицы Гамаюн /.

“Вы на Мидгарде живёте спокойно с давних времён, когда мир утвердился... Помня из Вед о деяниях Дажьдбога, как он порушил оплоты Кощеев, что на ближайшей Луне находились... Тарх не позволил коварным Кощеям Мидгард разрушить, как разрушили Дею... Эти Кощеи, правители Серых, сгнули вместе с Луной в получастьи... Но расплатилась Мидгард за свободу Даарией, скрытой Великим Потопом... Воды Луны тот Потоп сотворили, на Землю с небес они радугой пали, ибо Луна раскололась на части и с ратью Сварожичей в Мидгард спустилась...” / Саньтии Веды Перуна /.

В память о спасении от Потопа и Великом Переселении Родов Расы Великой в 16-й год появился своеобразный обряд – Пасхет с глубоким внутренним смыслом, совершаемый всеми Православными людьми. Этот обряд всем хорошо знаком. На Пасхет крашеные яйца ударяют друг о друга, проверяя, чьё яйцо крепче. Разбитое яйцо называли яйцом Кощеев (отдавали его собакам), т. е. разрушенной Луной Лелей с базами [Чужеземцев](#), а целое яйцо называли Силой Тарха Дажьдбога (ели сами). А чтобы очищенное яйцо отличалось от неочищенного их и красили. В обиходе также появилась сказка о **Кощее Бессмертном**, чья смерть была в яйце (на Луне Леле) где-то на вершине высокого дуба (на мировом дереве, т. е. фактически на небе). И не путайте - бес смертный и **бессмертный**, раньше была и такая форма написания, означавшая **вечность**. А Луначарский развел сплошную бесовщину. И заметьте, не в католицизме, не в иудаизме, не в исламе, [хотя корни у всех одни](#), такого обряда нет!

Став православным, христианство вынуждено было ввести этот обычай, изложив его на новый лад и окрапив символом крови Иешуа.

Новая религия не только искажала славянские сказки, но и создавала свои. В таких сказках главным образом присутствует извечная мечта христианского народа о «халяве». В то время как в **славянских сказках главные герои всегда добиваются цели только своим трудом**. Кстати, в Индии есть очень популярная сладость - халава, которую раздают бесплатно в храмах. Это сладкое блюдо из манки, обжаренной сначала в сливочном масле, а затем доведенной до готовности в сладком сиропе.

Одним из примеров искажений является **Сказка о репке**, известная всем с самого раннего детства. В изначальном славянском варианте данная сказка указывает на взаимоотношение поколений, а также указывает на взаимодействие временных структур, форм жизни и форм существования.

В современном варианте этой сказки не хватает еще двух элементов, существовавших изначально – Отца и Матери, без которых получается семь элементов, т.к. у христиан семеричная система восприятия, в отличие от девятиричной славянской системы.

В изначальной сказке было девять элементов, в каждом из которых был свой скрытый образ:

Репка – достояние и мудрость Рода, его корни. Она как бы объединяет земное, подземное и надземное;

Дед – Древняя Мудрость;

Бабка – традиции дома, хозяйственность;

Отец – защита и опора;

Мать – любовь и забота;

Внучка – дети, внуки;

Жучка – достаток в Роду, есть что охранять;

Кошка – благостная обстановка в Роду, т.к. являются гармонизаторами энергии человека;

Мышка – благосостояние семьи, где нечего есть и мыши не водятся.

Но христиане убрали Отца и Мать, и заменили их образы на защиту и опору от церкви, а заботу и любовь – на Христа.

Изначально смысл заключался в следующем: **иметь связь с Родом и Родовой Памятью, жить в гармонии с родными и иметь Счастье в семье**. Может отсюда и пошло выражение - Дать по репе - чтобы наступило просветление.

Еще одним из многих искажений является сказка **Колобок**. Вот один ее изначальный вариант:

Эта сказка является образным описанием астрономического наблюдения Предков за движением [Месяца](#) по небосклону от полнолуния к новолунию. В Чертогах Тарха и Дживы, на Сварожьем Круге, происходит полнолуние, а после Чертога Лисы наступает новолуние.

Таким образом можно было получить начальное знание в астрономии и изучать звездную карту мира.

Подтверждение такой интерпретации Колобка можно найти в русских народных загадках (из собрания В.Даля):

Голубой платок, красный колобок: по платку катается, людям усмехается.

Это про Небеса и Ярило-Солнце. Интересно, как бы сказочные новоделы изобразили красного Колобка? Подмешали румян в тесто?

Кроме всего прочего не стоит забывать о версии искусственного происхождения Луны. Колобок, а не каравай, можно испечь только в условиях невесомости.

Еще образ Колобка можно связать с колобьим телом Живы, имеющим форму золотистого светового шара и расположенным вокруг головы человека. Его называют также телом интеллекта. Колобок гордится своим умом и ловкостью (интеллектом), полагая, что справится со всеми испытаниями и в эпоху Лисы. В ведические времена сказку про Колобка, конечно, рассказывали совсем по иному, потому что никто его не съедал – люди дружили со своей головой. Не зря лоб – высокое видное место, а били челом, пригорочком.

Вы никогда не задавались вопросом: почему **Луна** имеет и мужское имя **Месяц**? Или наоборот? Не являются ли эти имена половинками чего-то третьего, целого? И почему мы всегда видим только один холодный лик, платонически любящий Землю? Второй же, очень редко и ненадолго, показывается только солнцу, да так страстно, что на Земле наступает затмение... В мифологии исконных русских сказок не бывает ничего случайного! Вот, к примеру, в "Слове о полку Игореве" упоминается ныне почти забытое понятие Троян-Траян. Перегласовка А на О в данном случае естественна: не надо забывать, что автор «Слова...», впрочем, как и сам Боян с вещими перстами, – певцы, а не сказители. *«О Бояне, соловию стараго времени! а бы ты сѧ плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы»*. Здесь речь явно идет не о земных путях – о небесных, на что есть прямое указание: *«.. скача словом по мысленному древу, летая умом под облаками»*. Второе уточняющее указание – *«...свивая славы обеих половин нашего (сего) времени»*, то есть земное и небесное время. И третье, написанное явно для непонятливых: *«...рыская тро(а)пой Тро(а)яна через поля на горы»*, где поля – земля, горы – небо...

Далее: *«На седьмом веце Трояни връже Всеслав жребий о девицю себе любу. Той клюками подпръся, оконися и скочи к граду Киеву, и дотчеся стружием злата стола Киевскаго; Скочи от них лютым зверем полночи из Белаграда, обесися сине мъгле; утръ же вознзи стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немизи с Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни – посеяни костьми руских сынов»*. Это все о том, что вещий князь-оборотень и чародей Всеслав Полоцкий, не принявший христианской веры, на *«седьмом веце Трояна»* «девой себе любу». Вероятно, это была последняя попытка одного из Рюриковичей восстановить *«древлее благочестие»* в Киевской Руси. И не нужно отсчитывать время от некой даты, чтобы установить, что же такое седьмой век Трояна. Это чистая аллегория автора. Седьмой век – седьмая, последняя, вечность Трояна, как есть седьмое небо, седьмой день недели, семь цветов радуги. Это конечный срок существования чего-либо в славянской мифологии и точка отсчета нового времени, века, эпохи.

Но все-таки кто же он, Троян-Траян? А это и есть третье, общее, имя Месяца и Луны. **Траян** светит лишь по ночам, [одноновременно со звездами](#). Третья, божественная, суть Яна – владычество над ночными светилами. Он атавизм эпохи крамолия, доживающий в сознании славян свой последний, седьмой век, потому и не входит в пантеон богов, утвержденный Владимиром Святославичем. Вместе с восходом солнца власть Траяна заканчивается, поскольку ночной кумир ослеплен самой яркой звездой и лишь изредка, показывая свой нрав, спорит со светилом, на короткое время затмевая его. Как известно, при полном затмении на небосклоне проступают звезды. В мифологии славян это недобрый знак, предупреждение об опасности, поэтому автор «Слова...» так часто и упоминает Траяна и его уходящее время, однако князь Игорь *«возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзья комони, да позрим синего Дону!»*. Его презрение к грозному знаку и возможной смерти продиктовано целью – испытать позор плена, дабы призвать князей к единству. Но это к слову.

Никто иной, как только повелитель звезд Траян может заслонить Солнце. Созвучие этому можно найти и в санскрите. Слово /tāgākā-gāja/(тарака-райя), означает луна, месяц мужского рода, а

буквальный перевод - **Царь Звёзд!** Таким образом, звезда расшифровывается не только как совокупление стихии земного и небесного света знаний, прежде всего, это способ, инструмент, с помощью которого Правь правит земной жизнью, Явью. Отсюда и возникла астрология, а потом астрофизика. Автор «Слова...» не случайно сказал: «...свивая славы **оба полы сего времени**». У мира две половины времени, день и ночь, свет и тьма, и два соправителя - **Солнце** и царь звезд **Траян** ...

Теперь возьмем описание змея **Горыныча**.

Образ змея – означает круглый и длинный, как змея, горыныч – потому, что высотой с гору. В данном случае – явное описание **смерча**. Змей Горыныч может быть и трехглавый (три воронки), и девятиглавый.

Другие древние русские сказки, описывающие облик змея, говорят о том, что он может летать, крылья его – огненные. Когтистые лапы и длинный хвост с остриём – излюбленная деталь лубочных картинок в сказках, как правило, отсутствуют. Постоянной чертой змея является его связь с огнём: «Поднималась сильная буря, гром гремит, земля дрожит, дремучий лес долу преклоняется: летит трёхглавый змей», «Летит на него лютый змей, огнём палит, смертью грозит», «Тут змей испустил из себя пламя огненное, хочет сжечь царевича».

В этом змее узнаётся змей Кундалини – духовная сила человека. Его постоянная угроза: «Я твоё царство (т.е. тело) огнём сожгу, пеплом развею».

В русских народных сказках змей является охранителем границы в Царство Небесное. Сама граница описывается как огненная река, называемая **Смородинка** («мор» – смерть, «один» – один; то есть смерть одна). Через неё ведёт мост, называемый **«калиновый»** (на санскрите «кали» – злосчастный), то есть на эту границу может ступить только тот, у кого **яйцехоре** («семя дьявола» – капля Причинной материи) проявилось в полной мере. Перейти же через мост сможет тот, кто убьёт змея (яйцехоре), то есть победит всю свою животную стихию.

Если разложить слово Горыныч по буквицам древнерусского языка, мы получим подтверждение вышеизложенного. **Г-ОР-ЫНЫ-Ч** - путь ОРа, проявленный в неизвестное множество (ыные), приводящий к определенному рубежу, Черте, мосту.

При встрече со змеем героя поджидает опасность сна, засыпания, то есть наваждения – морока: «Царевич стал по мосту похаживать, тросточкой (основным восходящим каналом силы Кундалини, идущим по центру позвоночника человека) постукивать, выскочил кувшинчик (мистические способности, проявляющиеся по мере подъема Кундалини) и начал перед ним плясать; он на него засмотрелся (увлёкся мистическими способностями) и заснул крепким сном (т.е. «впал в прелести»). Неподготовленный человек засыпает, истинный герой – никогда: «Буря – богатырь наплевал (не увлёкся этими способностями), нахаркал (привёл их в «хару», уравновесил) на него и разбил на мелкие части. Змей безсмертен и непобедим для непосвящённого, его может уничтожить только определённый герой: **яйцехоре** может быть побеждено лишь тем, в ком оно находится – «Во всём свете нет мне другого соперника, кроме Ивана-царевича, да он ещё молод, даже ворон костей его сюда не принесёт».

Змей никогда не пытается убить героя оружием, лапами, или зубами – он пытается вбить героя в землю (т.е. в грех) и этим его уничтожить: «Чудо-юдо стал одолевать его, по колено вогнал его в сырую землю». Во втором бою «забил по пояс в сырую землю», то есть с каждым боем в человеке всё в большей мере начинает проявляться грязь (сырая земля) яйцехоре. Змея можно уничтожить только отсечением всех его голов, то есть победой над своими чувствами. Но эти головы имеют чудесное свойство – они вновь вырастают, то есть **власть чувств увеличивается при их удовлетворении**: «Срубил чудо-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем – головы опять приросли». Только после того, как огненный палец (похоть) отрубается, герою удаётся срубить все головы.

Зная зависимость духовного развития от овладения своими чувствами, наши предки дали нам следующее наставление:

Где чувства господствуют – там вожделье,
А где вожделье – там гнев, ослепление,
А где ослепление – ума угасание,
Где ум угасает – там гибнет познание,
Где гибнет познание, да ведаёт всякий –
Там гибнет дитя человечье во мраке!
А тот, кто добился над чувствами власти,
Попрал отвращение, не знает пристрастий,
Кто их навсегда подчинил своей воле –
Достиг просветления, избавясь от боли,
И сердце с тех пор у него беспорочно,
И разум его утверждается прочно.

Третий бой – самый страшный. Особым условием последнего боя является то, что убить змея может только чудесный помощник героя – его Дивье, духовное тело: «Богатырский конь бросился на побоище и начал змея зубами грызть и копытами топтать. ...Жеребцы прибежали и вышибли змея из седла вон. ...Звери бросились на него и разорвали в клочки». «Одна лошадь поднялась на дыбы и змею на плечи взвалилась, а другая по боку ударила копытами, змей свалился, и лошади притеснили змея ногами. Вот лошади-то!» Бой, конечно, кончается победой героя. Но после боя нужно выполнить ещё одно дело: змея нужно окончательно уничтожить, то есть необходимо преобразование тел человека в [Светье тело](#) (тело Света) – чистой добродетели: «А туловище скатил в огненную реку»; «Все части подобрав, сжёг, а пепел развеял по полю»; «Наклат костёр, сжёг змея в пепел и пустил по ветру». ([тела и оболочки в русских сказках](#))

Этим сказки подготавливают детей к поиску Царства Небесного – к достижению полного совершенства через обретение тела Света.

Чтобы развлечь вас и немного отвлечь от огненной бури, я расскажу вам один анекдот в былинной манере:

«...Вот оно это громадное поле, на котором уже топчутся несметные орды. А вот и два самых сильных воина, что съезжаются в центре. С одной стороны Пересвет - в солнце одетый, с другой Челубей - мраком окутанный. Они шибаются, да так, что гром сотрясает небеса и землю, и разлетаются на части мощные кони их. И спешившись Челубей уже наносит по голове Пересвета такой удар, что входят ноги Пересвета по-колону в русскую землю Матушку. Но выстоял Пересвет, отшвырнул в сторону расколотый шлем, размахнулся и ударил Челубея булавой, да так, что вошли ноги Челубея по-колону... в его брюхо. Не приняла земля Русская татарских ног...».

Еще одной загадкой являлась **игла**. Ведь яйцо, в котором игла хранилась, если учитывать древнейшие космогонические представления, обозначает зародыш Мироздания. Каким же образом в нём может находиться судьба Кащея?

В сказке «**Хрустальная гора**» (А. Н. Афанасьев) есть совершенно удивительный образ, позволяющий пролить свет на эту непростую тему. Герой спасает царевну из царства смерти – хрустальной горы. Несмотря на то, что властелином царства смерти в данном случае является Змей, со сказками о Кащее этот сюжет сближает наличие сундука с заветным яйцом, в котором и заключена судьба царства смерти. Змей уже повергнут героем и соколом. Сундук заключён в туловище Змея. В сундуке – заяц, утка, рыба, а в них – яйцо. Всё как в сказках о Кащее. Но в яйце – не игла, а зерно. Именно прикосновение этого зерна и разрушает Змиево царство смерти – хрустальную гору, в которой заточена царевна. Зерно, разумеется более древний и более глубокий образ, нежели игла. Если игла использовалась в древней Руси знахарями от сглаза и от злой колдуньи, то зёрна и цветы обозначали воскрешение жизни. И вплоть до двадцатого века блюда из зёрен использовались в церковной и в народной традициях при поминальных обрядах именно в этом значении. Но почему же

всё-таки игла заменяет зерно? На родственном Славянским языкам санскрите «шилаа» – означает камень, скала, но в то же время «шила» – «колос» (санскр.). Колос – это уже, буквально, воскресшее зерно. Что же общего между колосом и скалой? Вспомним русское слово «шило» – это игла, вставленная в деревянную рукоятку. Наборы разнообразных каменных шил дошли до нас благодаря археологическим исследованиям.

Итак, шило – это тонкое каменное остриё, которое способно пронзть достаточно твёрдые предметы. Колос, подобно шилу, пронзает не только почву, но и камни, и скалы, выходя на поверхность из подземного мира смерти, из могилы, в которую было похоронено зерно. Вполне естественно, что, изначально, в яйце – образе зарождающегося Мироздания – древние сказители помещали именно зерно, как знак воскрешения, а отнюдь не простое орудие труда.

Что же касается образа **хрустальной горы**, то здесь несколько уровней значений, одним из которых может быть образ зимы-смерти, другим – образ надвинувшегося ледника. И, наконец, наиболее глубинные смыслы – это посвящение героев, принадлежащих к Воинскому и Жреческому сословиям; смерть и воскрешение Божества (царевны), в данном случае женского.

Когда говорится о посвящении героя в царстве **Водяного** (или у Лешего) и в царстве Кощея, нельзя забывать, что эти миры не однозначны. Если первые два олицетворяют стихию или даже телесную смерть героя в этой стихии, то царство Кощея лишь условно, на уровне посвящения героя, может обозначать такую смерть. Поскольку в ведических писаниях говорится о том, что телесная смерть, есть лишь один из видов проявления жизни. На более глубоких смысловых уровнях, царство Кощея означает смерть духовную.

Вспомните, **Баба Яга**, то костяная то золотая нога. Но изначально была Баба Йога. И не зря она ладила с Лешим, хозяином леса, где и стоял ее дом окруженный высоким тыном, увешанным черепами. Но черепа были животных, т к именно они сохраняют силу и мудрость своего вида, создавая обережный круг. Опять же избушка была на **курьих** ножках, из которой она вылетала на летательном аппарате в одну нечистую силу. Но курьи - значит дымовые, т е дом стоял над землей и мог поворачиваться куда захочешь. Курильские острова - там что курящих кур разводят? Да ничего подобного! И еще: Кто сквозь курево пройдет - в другой мир попадет. Очень ясное описание [звездных врат](#). **Дымка** - отражение измененного пространства. Малая снаружи - безмерная внутри - это говорит об измененной матрице восприятия.

На Руси всегда почиталась кто? Молодая красивая Богиня, которую звали Йогиня Матушка. И только христиане превратили симпатичную женщину в страшную старуху и назвали её сначала баба Йога, а потом баба Яга, которая якобы детей пожирает.

Вдумайтесь, **Йогиня Матушка**, Йогиня – соединяющая. Что она соединяла? Она ездила по земле и отличалась от других женщин тем, что носила сапожки вышитые золотом. Отсюда и было «баба Йога золотая нога», то есть в золотых сапожках. Она собирала детей сирот и уводила в свой Скит, и детей потом посвящали Богам. И вот представьте, предгорный скит каменная стена, внутри пещь Ра, то есть пещь Света, или как сейчас говорят «пещера». Оттуда выдвигался каменный помост, который назывался «лапата». А ударение сейчас поменяли, и получилось что? Лопата. Детей одевали в чистое белое одеяние, украшали цветами, давали им выпить сон-травы и укладывали в нишу. Там было две ниши. Детей укладывали в заднюю нишу. Потом в первую нишу накладывали валежником хвороста и лапату задвигали вовнутрь пещи Ра. Но никто не видел, что, когда лапата задвигалась, опускалась каменная стена и она отгораживала хворост от детей. И потом жрец или сама Йогиня Матушка поджигала хворост, и для всех мирян и, присутствующих, хворост сгорал. То есть через огонь как бы прерывалась связь детей с внешним миром. И считалось, что детей сожгли, зажарили в печке, а потом некоторые домыслили и сказали, что и съели их. А на самом деле этих детей разносили по комнатам или кельям в скале и воспитывали из них жрецов и жриц. А когда приходило время, этих детей сирот, мальчиков и девочек, их соединяли в семейный союз, дабы они могли продолжать свой Род. Но, кто через 10 или 20 лет в молодом жреце или жрице мог узнать того маленького оборванного ребёнка

сироту? И выражение «посвятить Богам» означало служить Богам своего Рода, своего народа. <<="" a="">

<<="" a=""> Самым, пожалуй, загадочным и даже волшебным числом в математике является **число ноль**. С его особыми свойствами мы сталкиваемся уже в начальной и средней школе. На ноль нельзя делить. При первом знакомстве с числовой прямой, выясняется, что ноль не тождественен пустому множеству. Это число не только имеет свою координату на числовой прямой, но из него берут начало системы отсчёта одномерного, двухмерного и трёхмерного математического пространства. Можно сказать, что ноль является пограничной точкой, разделяющей положительные и отрицательные числа, направления вверх и вниз, вправо и влево, вперёд и назад. По своим загадочным свойствам, ноль можно сравнить с таким явлением в физике, как вакуум (который тоже не является пустотой).

<<="" a=""> В волшебной сказке мы встречаемся с героиней, чьи характеристики напоминают нам характеристики этого числа. Она всегда живёт на границе двух миров, являясь как бы дверью между ними. Эта сущность никогда не является составной частью тех миров, которые она разделяет, но всегда лишь – границей. Но точечность этого персонажа оказывается многообразна. Точка, которую она характеризует и обозначает собой, разворачивается внутрь себя огромным пространством, причём это происходит через число три: точка, число три, пространство. То, что это внутреннее пространство точки, то есть пространство совершенно иное, нежели то, координаты которого разделяла эта точка (иначе говоря, внешнее для этой точки), становится очевидным из того, что герой попадает в совершенно иное пространство. В большинстве сказок, герой из мира жизни (положительных чисел) попадает в мир смерти (отрицательных чисел) – царство Кощея, Змея-Горыныча, пройдя через пограничную точку между этими мирами – избушку Бабы Яги. Но в «Сказке о молодильных яблоках и живой воде» эта пограничная точка внезапно разворачивается в пространство. Герой попадает не в мир материальной жизни, а в мир «смерти». То есть он, без пересечения пограничной точки между жизнью и смертью, входит как бы внутрь этой чудесной точки. Он попадает в царство Синеглазки – дочери Бабы Яги. Сама Баба Яга неожиданно утраивается, то есть из одной точки превращается в три точки (скорее, в три системы координат, связанных между собой), между которыми огромное пространство, которое герой преодолевает на крылатых конях. Причём, каждый конь принадлежит другой Бабе Яге, что позволяет говорить о верности предположения наличия сверхсистемы координат. Итак, в избушке Бабы Яги открывается вход в то, что называют «четвёртым измерением». Точнее же, это целая система измерений. То, что герой, выходя из избушки и садясь на волшебного коня, выходит совсем в иное пространство, нежели из которого он вошёл в неё, подтверждается тем, что сначала он просит повернуться избушку к нему передом, а к лесу задом (то есть открыться в пространство, к которому она обычно закрыта). Следовательно, хозяйка, выходя из избушки, чтобы навестить своих сестёр, выходит в иное пространство, нежели то, из которого пришёл герой. Но, в то же время, это и не пространство Кощея или Змея-Горыныча. Этот поворот избушки от леса к человеку не является обычным вращением предмета в трёхмерном пространстве, поскольку, в таком случае, герой и сам легко мог бы обойти строение для того, чтобы войти в дверь, как это делается в подобных случаях.

<<="" a=""> Итак, **избушка Бабы Яги** – это точка посвящения. Недостойные либо не допускаются, либо гибнут. Достойные могут пересечь эту границу и вернуться обратно в материальный мир живыми. Отдельным из них открывается Ирий – царство Синеглазки. О том, что это именно Ирий, свидетельствуют источник живой воды и молодильные яблоки.

<<="" a=""> Вспомним другую сказку, где Баба Яга имеет дочь горлицу, способную оборачиваться девушкой («Поди туда – не знаю куда, принеси то, не знаю что». «Русские сказки»). В другом варианте этой же сказки («Федот-стрелец»), дочь Бабы Яги – **девушка-кукушка**. Эта девушка, даже выйдя замуж за главного героя сказки, продолжает жить в лесу. Она не ходит в город или в селение, то есть в материальный мир людей. Этим она похожа на Царевну-Лягушку (она же – [Василиса Премудрая](#), дочь Морского Царя, берегиня), которая скрывается от людей под лягушачьей кожей. И той, и другой открыт и послушен мир стихий и животных, как избушка Бабы-Яги всегда открыта (повёрнута) к лесу. Это ещё одна загадка этой пограничной точки в русской сказке – точке

посвящения, из которой открывается дорога в Ирий; точке, обычно закрытой для материального человеческого мира, но в то же время открытой миру Природы и животных. У Бабы-Яги всегда есть животные: кони, собаки, кошки, филины, совы. Её дочь сама оборачивается птицей. Это ещё раз подчёркивает ошибочность поверхностного представления, что Баба-Яга принадлежит к миру зла. Иначе, зачем ей животные? Ведь, по древнейшим поверьям, духи зла боятся животных. Именно поэтому, в качестве оберегов, ещё в древности носили клыки, когти, клочки шерсти животных, а позднее, вплоть до двадцатого века – натальный пояс из шерстяных ниток. Даже в Сербии, где под влиянием ветхозаветных представлений о собаке, было отрицательное отношение к этому животному, в XVIII веке продолжало существовать поверье, что собака способна видеть и отпугивать упырей. Филин, по иранским поверьям, способен различать зло во тьме. Поверье о способности кошки видеть и отпугивать злых духов, даже сейчас широко распространено и общеизвестно.

Итак, выражаясь математическим языком, точка, характеризующая это явление (образ Бабы-Яги и её избушки в волшебной сказке), не принадлежит ни к положительным, ни к отрицательным числам, где положительные числа характеризуют мир материального бытия, а отрицательные – мир смерти (мир смены меры утверждения гармонии).

Однако ошибочно было бы думать, что это координата застывшая и без движения. Она столь же обездвижена, как и точка в текущей реке, в которую, как известно, нельзя войти дважды.

Расширить представление об этой «точке» можно прочитав [«Праведы»](#) и труды [Дьюи Ларсона](#).

Разумеется, одним числом «ноль» не исчерпывается вся эта тема. Каждый вспомнит и числа 3, 7, 12, 33, многократно упоминаемые в сказках, смысл и значение которых в Славянской Ведической системе представлений ещё предстоит по-настоящему исследовать. Отличие числа 0 в том, что оно никогда не упоминается прямым текстом, но присутствие его очевидно.

Помните у Пушкина - **русалка** на ветвях сидела, да и волосы были русые. Дева-птица она была - мудрая и крылатая.

А сейчас как пишут? Андерсон писал о зеленовласых девах, дочерях водяного и к русалкам они не имели никакого отношения. На Руси их звали **Мавками**.

А помните сказку про [Снегурочку](#)? Почему в современных вариантах нигде не упоминаются ее родители? Так почему же она расстаяла?

Не легко понять Древнюю Мудрость в изначальном толковании, потому что ее нужно воспринимать сердцем, Душой. Об этом хорошо сказано в сказке о **курочке Рябе**. Она снесла золотое яичко, которое Дед бил – не разбил, бабка биба – не разбила, а мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось. Здесь золотое яичко несет образ сокровенной Родовой Мудрости, которую наскоком не возьмешь – сколько не бей. В тоже время, случайно прикоснувшись, эту систему можно уничтожить, разбить на осколки, разрушив целостность.

Поэтому, если люди не дошли до того уровня, который позволил бы им понимать сокровенное, им для начала достаточно простая информация в виде обычного яичка, т к от золотого может и "крышу" снести. Как у современных составителей учебников задачи на дробь: "Снесло полкурицы поляичка. Сколько яиц снесет полторы курицы?"

Сказка **“Крошечка – Хаврочешка”**. Осталась девочка сиротой, но у нее была любимая корова. И когда девочке что-то надо было, она в левое ушко коровы влезала, в правое вылезала и получала то, что ей было необходимо. Казалось бы – такая большая девочка лазить по коровьим ушам не может. А вот эта коровка – Небесная корова Зимун или Малая Медведица, как ее еще называют – прямоугольничек и есть коровье ушко, а тут еще Хара, Дара, откуда Харийцы, Даарийцы. Но в сказке же не будут писать: Вот девочка прошла врата Междумирья, направленное на вот это коровье ушко, и получала всё, что ей нужно было. И заметьте, она всё просила у своей мамы. Мама – это как образ коровы Зимун, [прародина Предков](#), и там же еще Ингард недалеко. А девочка через ушко проходила к

Даждьбогу Солнца, к Земле Ингард, у Предков общалась, а выходила совершенно сквозь другое ушко, по движению звезд, в другом месте, и пробиралась опять домой. Т.е она постоянно общалась со своими Предками. При входе использовался один чертог Сварожьего круга, а после посещения из другого чертога она спускалась на Мидгард через другой чертог. А у ее мачехи три дочери: одноглазка, двуглазка и триглазка, которых она отправила шпионить за девочкой. И девочка, прежде чем уйти, пела-убаюкивала: Спи глазок. Первая сестра заснула. Мачеха отправила вторую дочь следить за девочкой. Девочка опять: Спи глазок, спи другой. Заснула и эта сестра. И только третьей удалось подсмотреть за девочкой, потому что та спела ей: Спи глазок, спи другой, а третий глаз, что между бровями, энергозрение, не учла. В итоге корову зарезали, но девочка не ела мяса, а собрала все косточки, закопала их, и выросла в одном варианте сказки – яблонька, в другом – березка.

А березка - это тоже образ родовой: рождалась девочка – садили березку, мальчик рождался – садили дубок. И дети, играя росли между деревьев, и от этих деревьев получали силу. Поэтому, допустим, если сын в военном походе был ранен, родители по состоянию дерева – оно сохло, видели, что с сыном беда. И родители начинали ухаживать за этим деревом, подкармливать его, лечить, и в результате и дерево расцветало, и сын – поправлялся. Так же и с березкой дочери поступали.

А Сивка-бурка - откуда такое словосочетание? Если Сивка (светлая), то почему Бурка (темная)? Не зебра же это, у которой полоска - черная, полоска - белая. Все дело в том, что прозвище Бурка первоначально звучало как Бурька. А если взглянуть на его истоки, то обнаруживаются явственные следы Борея. Обратившись темногривым жеребцом, Бог - покровитель Севера - оплодотворил двенадцать кобылиц и стал отцом двенадцати чудесных жеребят, что могли летать по поднебесью над землей и морями. Такими их описывал еще Гомер в "Илиаде": *Бурные, если они по полям хлебородным скакали, Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши; Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря, Выше воды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.* Точно так же описывается полет волшебных коней в русском и славянском фольклоре, где прозываются они Сивками-бурками, Бурушками-косматушками, что в конечном счете значит - Бурьки-Борейки. Не случайно и мифический летучий конь алтайских сказаний также зовется Буура. Между прочим: до сих пор имеет распространение славянская фамилия Борейко.

В русском фольклоре есть сказочный **Буря-богатырь** - чем не Борей? В афанасьевском сборнике сказок Буря-богатырь - не просто могучий [исполин](#) - он еще и Коровий сын: корова слизала остатки от златокрылой щуки, которую приготовили на обед бездетной царице. Буря-богатырь сражается на знаменитом Калиновом мосту поочередно - с шестиглавым, девятиглавым и двенадцатиглавым змеями - сыновьями Бабы-яги. Здесь же и волшебная яблоня, и Сивка-бурка, и утка, что кличет беду, и свинья-оборотень (да и сам Буря-богатырь оборачивается тотемным соколом), и Морской царь с золотой головой, которую отрывают и используют для распутывания злых козней (вспомним титана Форкия - Морского старца, обитавшего близ Гипербореи). Все это гиперборейская закодированная символика - она еще ждет своей расшифровки.

Самый выдающийся собиратель, систематизатор и исследователь русского фольклора А.Н. Афанасьев разъясняет: на острове **Буяне** сосредоточены все могучие грозные силы, все мифические олицетворения громов, ветров и бури; тут обретаются: и змея всем змеям старшая, и вещей ворон, всем воронам старший брат, который клюет огненного змея, и птица-буря, всем птицам старшая и большая, с железным носом и медными когтями (напоминающая собой чудесную Стратим-птицу, всем птицам мать, что живет в Океане-море и творит своими крыльями буйные ветры), пчелиная матка, всем маткам старшая. От них, по мнению народа, как от небесных матерей, произошли и все земные гады, птицы и насекомые. По свидетельству заговоров, на этом же острове восседают и дева Заря, и само Солнце. Остров Буян - средоточие всех творческих сил природы, их вечно полный и неисчерпаемый источник. Он - часть той первородной Земли, которую породил Океан - мать и отец всех морей.

Древняя сказка, когда юноша идет освободить свою невесту от Кашея. Ему волк помогает, медведь, который древо с сундуком свернул, с сейфом, где хранилась смерть Кашея, сокол или кто-то еще: ведь когда юноша проголодался, он хотел подстрелить птицу или зверя, а те обращались к нему:

Не трогай меня, я тебе еще пригожусь. Даже щука и та – принесла яйцо, где хранилась игла, а на кончике той иглы была смерть Кашея. Разные варианты трактовки. Заметьте, как бы кашей не кичились – они всегда были повержены. Почему? Потому, что наши Предки четко определили, что кашей – это бес и он всегда смертный: бес смертный. Но т.к. раньше писали всё слитно, то и со временем начали воспринимать в значении - без смертный. А уже потом господин Луначарский бесовщину развел: он вообще ввел слово бессмертный. Хотя в русском языке были понятия и “бес смертный”, что значит: бес, который рано или поздно всё равно умрет, и “без смертный”, что значит, вечный. Вот в чем различие.

И заметьте, в любой сказке добро всегда побеждает, и любое действие всегда имеет законченную образную форму. Заметьте, кашей всегда был в определенных доспехах т.е в защитных одеяниях. Злые всегда любили защиту себе устраивать. И простое оружие, как в сказках: и калена стрела его не берет, т.е. закаленное, и меч на травах закаленный, его не сечет, а берет его только меч какой? **Клади́нец**. А чем отличался от закаленного меча меч кладинец? А тем, что это не просто меч, а это мощное энерго-информационное оружие, почему? А потому, что по мечу шла руновязь т.е. определенные заклинания по клинку шли. И даже на рукояти иногда. А еще руновязь создавала как бы особую энергетическую структуру – силу вокруг меча. Т.е. кладинец – оружие как бы магического воздействия, или как бы сказали, волшебный меч. И он любую эту отрицательную энергетическую защиту всё равно пробивал. Потому что мощнее славянских рун ничего нет.

Потом в сказках помните: **голубое блюдечко** и **наливное яблочко**? Прообраз телевизора. Поэтому кто телевизор изобрел? Наши изобрели – русские. Где впервые в мире началось первое постоянное телевизионное вещание? В Германии. Ведь те же германцы – это западные славяне. А их сказочки? Вспомните их сказку "Золотой гусь", т.е. тот, кто равнодушен к золоту, тот, кто привык жить своим трудом, те могли подойти, погладить этого гуся и пойти дальше. А жадные они прилипали. Хозяин постоялого двора прилип, потом прилипли музыканты, которые только за деньги привыкли играть и т.д. Т е говорилось о чем? Что существует невидимая взаимосвязь между паразитирующими системами т е теми, кто ничего в жизни не делают, а живут за чужой счет. И это всё высмеивалось.

А **старинные зеркала**, которые в отличии от современных, имеющих алюминиевое покрытие, имели серебрянное покрытие и массивный серебрянный оклад. Заркало давало ответ на любой вопрос, получая информацию непосредственно из [Универсального источника знаний](#), включающего возможность заглянуть и в будущее и в прошлое. Ну как тут не вспомнить Пушкина: *“Свойство зеркальце имело – говорить оно умело. Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи”*. Почитать о современных прототипах сказочных зеркал можно [здесь](#).

Очень интересным, с эзотерической точки зрения, является сказочное Наставление-Урок, сопровождающее не одну русскую народную сказку:

**Пойди Туда, неведомо Куда,
Принеси То, неведомо Что**

Оказывается, не только сказочным молодцам давался такой Урок. Это наставление получал каждый потомок из Родов Свята Расы, что восходил по Золотому Пути Духовного Развития (в частности, осваивая Ступени Веры - "науку образности").

Второй Урок Первой Ступени Веры человек начинает с того, что заглядывает внутрь себя, чтобы увидеть все многообразие красок и звуков внутри себя, а также изведать ту Древнюю Родовую Мудрость, которую получил при своем рождении на Мидгارد-Земле. Ключ к этому великому кладезю Мудрости известен каждому человеку из Родов Великой Расы, он заключен в древнем наставлении:

**Пойдите Туда, не зная Куда,
Познайте То, не ведомо для вас Что.**

На эту же тему и выбор [пути](#) у камня на распутье. А попросту крест судьбы. Пойдешь на право - коня потеряешь, пойдешь на лево - славу потеряешь, пойдешь прямо - и себя и коня потеряешь. Под конем можно понимать и кон и материальный мир, под славой - духовный мир, а прямой путь - прямо в мир Нави. А уж Светлой или Темной - решать самому.

"И вот перед нами этот знаменитый камень, и нам опять нужно выбирать, а за ним развилка. И, не дай бог, мы опять выберем путь за [тридевять земель](#) в тридесятое царство, откуда никогда не вернуться.

- Тридевять Земель? Какие тридевять земель? – спросите вы меня. – Как какие? Вам что в детстве мама русских сказок не рассказывала? И вы не знаете что такое тридевять дальних далей? Ничего не помнят... А ведь дальняя даль, по ведическим источникам, это примерно 518 миллиардов верст. Вы, вообще, можете вообразить себе эту цифру? Интересно, в какие галактики герои русских сказок отправлялись разгадывать свои фантастические ребусы. Верно?

Нет конечно, не многие решатся отправиться в такую даль, туда, не зная куда, искать ответ на то, не знаю что, но я собственно и не настаиваю. Будьте внимательны, вот оно это знаменитое распутье, выбирайте куда пойдете, мы же не сможем пойти по трем дорогам одновременно, или закутавшись в плед, лучше оставайтесь дома. Но тогда и на сказочные дары самого главного в вашей жизни ответа можете не рассчитывать.

И вот мы уже битый час стоим на этой развилке, выбираем, подсчитываем, и в итоге, решаем повернуть обратно. А вот Иван-дурак, самый непостижимый персонаж нашей с вами культуры, совсем не задумывается. И такое впечатление, что ему все равно по которой дороге идти. Да для него все дороги как одна. И вот он уже идет кряхтя и спотыкаясь, с трудом преодолевая свою чудовищную лень. И знаете почему он обязательно вернется? Потому что слово дурак, если разложить его по [древним образам](#): Ду - два и более, Ра - сияние света, К - возвращение и привнесение. Означает способность мыслить, т. е. сиять в двух и более плоскостях одновременно, соединив все дорожки в одну, и возвращаясь, привносить в систему некогда утраченное.

«Аз, Боги, Веди, Глаголь, Добро» – это как вы понимаете не а, б, в, г, д. Первое - живая вода, второе – мертвая. И понятно, почему иностранцы не понимают наших сказок, хоть кол им чеши на голове! Не могут понять наших глубинных образов, ведь «Аз, Боги, Веди, Глаголь, Добро» просто невозможно перевести на их язык, не нарушив созданный веками лад нашей внутренней силы, наших внутренних масштабов, не стереж живительную логику составления наших, столь не отрывных от самой природы смыслов, не исказив сакральную основу буквы Ять, что даже будучи изгнанной за ненадобностью, продолжает хранить образ связи верха и низа, и терпеливо ждать возвращения домой в свою дикую и такую безответственную семью, ибо не ведают, что творят! Кстати, слово Образ – это тоже, как вы понимаете аббревиатура. Состоит из букв Он Боги Ер и Реци, ну и Аз конечно. Сложив смыслы каждой из букв получаем – Он Богами Творимый Изреченный Человеком, т е Образ созданный воплощенным на Земле Богом. Жизнь – живот жизни нашей, созданной свыше. Соединив [Образ](#) и Жизнь, получаем: богами и человеком творимый один из ликов Живы. [Жива](#) – подлинное Я человека. Получается бытие в одном из ликов многоликой души [Целого](#). Слово Душа тоже важно прояснить. Добро изначально посылаемое в трудах человеком умножаемое. Грубейшая ошибка говорить «моя душа», душа – это добро изначально посылаемое в трудах человеком умножаемое, т. е. правильно говорить: «Я есть одна из граней души Целого». Вот на каких уровнях мы все Одно.

Как все мы знаем – вначале было слово, и множество ученых скажет вам: слово – это фактор высочайшей цивилизации и культуры. Если мы возьмем понятие славяне, то помимо формы в толковом словаре, «одна из крупнейших в Европе групп родственных по языку и культуре народов», оно означает – ясно-говорящие. А в «Повести временных лет», кстати, слово язык вообще употребляется не в значении речь, но в значении народ. Поэтому славян и называли язычниками, т е представителями другого народа. Любой звук в этом языке изначально хранит в себе образ, а образ это не картинка, не иллюстрация в журнале, он соединяет в себе очень много уровней. Все мы образованные люди. Верно? И кое-кто уже заметил, что в этом слове присутствует слово образ, и

нам очень не нравится, когда нас называют не образованными. Верно? Те безобразными, как бы не имеющими образа. Например все мы знаем, что в 989 году началось крещение Киевской Руси. Но мало кто знает, что в этом процессе погибает около **9 миллионов** человек, не желающих принимать новую веру. И эта цифра покажется более чем шокирующей, если вы уточните, что народонаселение на Земле того времени было на несколько порядков ниже, чем сегодня. Те новая религия просто вырезала почти целый народ. И кто-то из именитых ученых уже говорит, что вплоть до Кирилла и Мефодия, а это VII век нашей эры, у славян вообще не было и не могло быть никакой письменности. Кирилл и Мефодий, как вы знаете, взяли древнеславянскую буквицу, в которой было 49 начиненных тротилом образности буквиц, выбросили 5, т к в греческом языке не было таких звуков, а для 4-х дали греческие названия. Потом Ярослав Мудрый убрал еще одну буквицу, осталось 43. Петр великий сократил на 5 до 38, Николай II еще на 3, а господин Луначарский до 31-й, убрав при этом и буквицу Ять, которая играла более чем важную роль среди своих братьев и сестер. Она была образом связи земного и небесного начал. Но это еще не все! Он изгнал в языковой ГУЛАГ так называемые образы, и русский язык стал без-Образным, т е безобразным. И на этом без-образно безобразном языке все мы собственно и выросли. Очень неприятная новость, согласитесь. С этого момента сколько хотите бейте в колокол, никто звука колокола не услышит, но только звук алюминиевого таза или газывыводящих труб. Проце всего сказать, что язычники – это крамольники, но будьте осторожны, к-Ра-Мола, на нашем на славянском языке означает «к Ра», т е к чистому сиянию солнца обращающий свою молвь. В «Житие святых Кирилла и Мефолия», кстати, о славянах говорится – «простая чадь», простая, т е не искривленная, не лукавая. И у этой простой чади и вера была такая. Вот как вы расшифруете слово вера? Ве – ведать, Ра – свет. Получается «ведение света» что ли? И сказать, что мы и есть эта сила, эта волна, это сплетение образов, на которых зиждется наше как индивидуальное, так и коллективное славянское мировосприятие, это конечно же ничего не сказать. Возьмите, к примеру, слово любовь. Лю – люди, Бо – Бог, Ве – ведать. Люди Богов Ведают. Чувствуете образ? Двое встречаются, чтобы Богов ведать. И труд этот высочайшая роскошь, какую может позволить себе только Человек.

Мы живем на Земле уже давно. За спиной миллионы лет преданий, былин, опыта и разного рода Заветов. Но мало кто помнит, что Аз – это воплощенный на Земле Бог. «Тот кто Бога глаголи сотворяша», т е проявляет мысль Бога через свое слово. Но большинство из нас даже не помнят о существовании этих живительных источников. Я не прав? И почему интересно наша память стала такой короткой? Почему мертвая вода нам сегодня больше по вкусу, чем живая, а совесть всего лишь абстрактный термин? А ведь Совесть – это совместное с Творцом ведание Бытия. Мы злимся на других забывая, что злиться, на нашем языке означает «злить себя», деремся забывая, что драться означает «драть себя». А Себя означает – «сие есть Бога образ». Поэтому сегодня русские сказки – это уникальный декодер всех элементов мироздания, что генерируют все существующие во вселенной смыслы и образы. Кому-то это кажется забавным преувеличением, кто-то говорит, что это сама память, та самая Живая вода или этот самый камень на распутье. Что с помощью сказаний между слоями атмосфер записаны генетические коды одного удивительного по своей глубинной памяти народа. Интересно также, что этот народ никогда не стремился подчинить себе другие народы. Вы помните об этом? И почему, как вы думаете, славян, т е нас с вами, невозможно одолеть силой? Кто-то пытаясь осмыслить нашу загадочную душу говорит, что мы играем по каким-то совершенно не ведомым для всего остального мира законам. Каким? Вы знаете о них хоть что-нибудь? И где они записаны?

Кстати, раньше слово Закон звучало как Покон, т е следование Кону. Кон – незыблемое правило, ниспосланное свыше. Если мы говорим Закон, то получаем то, что находится вне этого кона, вне незыблемого правила, ниспосланного свыше. И как интересно получилось, что в основе нашей коммуникации лежат до противоположности искаженные смыслы базового языка? Или вот слово демократия. Составное слово греческого происхождения, означает «политический строй, основанный на признании принципов народовластия». Но демос в греческом языке означал «свободных граждан, имеющих рабов», т е рабовладельцев. А народ – это охлас. Охламон – человек из народа. Он в демократической Греции прав голоса не имел. В чем заключается основной принцип демократии? Правильно – принцип большинства голосов, но уже в древней Греции на одном из

храмов было высечено – «худших всегда большинство». Но у Платона, вы несомненно читали, демократия стоит на последнем месте перед тиранией. Но, тем не менее, мы до сих пор ратуем за строй, в котором голос образованного ученого и ответственного семьянина равен голосу безграмотного бомжа и наркомана. - А у вас есть альтернативы? – спросите вы. Есть реплика. Дело в том, что исконно-русский принцип, это не принцип большинства голосов, но принцип Единогласия. Право голоса в этом случае имеет только родитель, т е тот, кто доказал своим образом жизни, что способен упорядочивать пространство вокруг себя. И если у человека крепкая семья и большое и здоровое потомство, это говорит о том, что у него есть квалификация упорядочивать и защищать Жизнь. Есть квалификация передавать опыт, культуру, жизнеутверждающие смыслы. Он обладает зрелой ответственностью за будущее своих детей. Если же человек не имеет этой квалификации, то самоубийство пользоваться его мнением. Простая и более чем практичная логика. Разве нет? Ведь основа любой культуры – способность сохранять и передавать из поколения в поколение базовый образ этой культуры.

Культура, кстати, тоже составное слово. Культ – следование каким-либо правилам, Ра – свет истины. Получается – следование правилам, сохраняющим свет. И если способность сохранять свет утрачивается, культура что делает? Правильно – вырождается. Для большинства из вас слова культура и цивилизация почти одно и то же. Но если разобрать слово цивилизация по канонам аббревиатурного письма, мы получим: Ци – поток энергии, Вили – разведение в разные стороны, За – последовательно. Получается «последовательное разведение целостного потока энергии». Т е цивилизация стремится к унификации и стандартизации, тогда как следование правилам, сохраняющим свет, т е культура, совершенно другой образ. Верно? Как легко запутаться и сбиться с пути, не владея образностью своего собственного языка.

Кстати слово играть, раньше оно звучало как гхорать, состоит из нескольких очень важных образов: Гх – неизведанное, но проявленное свыше, передавать мудрость, Ъ – с твердостью, Р- изрекать разумно и последовательно, Аз – ну вы уже знаете, воплощенный Бог, Т – утвержденное свыше, Ь – связь с уже существующим, Богами и некогда сотворенным. Получается, что играть означает «передавать заветную Богом и подтвержденную опытом воплощенных на Земле Богов мудрость». А это уже согласитесь не столько развлечение, сколько главная функция жизни. Верно? И получается, что с понятием игра, игра актера, игра оркестра, игра света, игра детей, деловая и политическая игры, игра природы, игра ума, игра воображения, стихий, космическая игра, связаны практически все аспекты нашей жизни. Она как бы пронизана игрой на всех ее уровнях.

Как говорится – закройте глаза руками, дорогие мои, и почувствуйте как тело ваше с каждым словом, возникающим из ничего, лишается привычной тяжести. И вы уже обнаруживаете себя где-то, что описать можно только текстом исконно русских былин и сказок. И как же там говорилось? Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. И неужели это и есть то самое «не знаю где» - куда Все и из которого Все.

В современном мире присутствует огромное количество так называемых дихотомий, т. е. пар противоположных понятий. Добро – зло, плохой – хороший, красивый – уродливый, земля – небо. Но если вы посмотрите на руническое письмо, своего исконного языка, то будете более чем поражены – в нем, этих дихотомий, нет! И как так может быть, верно? Эти глюки появились в нашем языке из необходимости упростить наш космос под торговые понятия, ну, вы прекрасно понимаете, как это случилось. Но с точки зрения исконных рунических смыслов, красота и уродство – это почти синонимы. Изначально слово урод означало близость к Роду, т. е. у Рода расположенный. Также самое, старое добро и зло, ранее означало нечто неизведанное, превышающее понимание. Мы не говорили, этот хороший а этот плохой, мы всегда говорили другой, инаковидящий, т. е. воспринимающий мироздание по иному. Это так удивительно слышать, правда? Оказывается, в нашем ДНК, с помощью языковых кодов записаны удивительные знания, уважение всего, что сотворено и проявлено во Вселенной, всех возможных форм жизни. А плюс и минус – это просто математические понятия, но не этические. Поэтому наша Душа – большая Душа, и все повсюду об этом знают. Душа способная к состраданию, вмещающая в себя свою радость и чужую боль. В ней нет и никогда не было противоположностей, исключающих или отрицающих что-то не

укладывающееся в наше понимание. Мы созданы по образу [множества в единстве](#), а потому способны жить вне конфликта и, энергия наша, создается в поле стихий а не страстей, в поле щедрости а не жадности. В поле светоносности - в поле Любви.

Кому-то из вас, я уверен, известно золотое правило, которое сформулировал один мудрец: в любом конфликте, между двумя всегда незримо присутствует третий, и лишь незнание того, что этот третий есть, поддерживает конфликт между противоборствующими сторонами. И теперь перенесите это на современные конфликты – до слез ясно, верно? Одним словом, для того, чтобы быть русским человеком, недостаточно в совершенстве владеть русским матом, и все мы готовы с этим согласиться. Русский человек – это тот, кто в трудах и ответственности восстановил свою Родовую память. И в основе этой родовой памяти, в языке, на котором она с нами говорит, нет даже, и сейчас прошу вас - сядьте и застыньте, дорогие мои, нет даже понятия смерти, т. е. символа означающего противоположность жизни. Это совсем за гранью понимания, так как всем нам известно, жизнь конечна, что все мы когда-нибудь умрем. Но бог Перун говорит нам на это: «смерть наблюдаете вы в окружении своем, для себя же вы ее не найдете». Ибо смерть всего лишь изменение мер жизни. А достичь цели - означает достичь [завершенного образа](#), за которым каждому из вас придется отправиться туда, не знаю куда, чтобы отыскать то, не знаю что. И только при этом условии, образ ваш проявится в явном, т е физическом мире, в свете своего совершенства!"

С. В. ЖАРНИКОВА "ЗОЛОТАЯ НИТЬ"

отрывок из книги

Говоря о русской народной волшебной сказке, стоит отметить, что: « Как обломок доисторической старины сказка содержит в себе древнейшие мифы, но эти мифы потеряли уже смысл в позднейших поколениях, обновленных различными историческими влияниями, потому сказка относительно позднейшего образа мыслей стала нелепостью, складкой, а не былью. Обращаясь к русским народным сказкам, широко распространенным и на европейском севере нашей страны, мы отнюдь не ставим перед собой задачи систематизации их типов, что давно сделано А.Аарне, В.Я.Проппом и другими исследователями. Нас интересуют те мотивы, которые являются абсолютными аналогами древних мифологических сюжетов или расшифровываются на их основе. В связи с этим имеет смысл прежде всего обратиться к поэтическим сказкам А.С.Пушкина.

В.Я.Пропп подчеркивал, что: «В истории русской художественной культуры Пушкин был первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки». Причем следует отметить, что А.С.Пушкин воспринял не только красоту чисто литературной формы сказок, но и ту их глубинную сущность, то порой непонятное и таинственное в их образном строе, что он бережно сохранял и передавал в своих поэтических сказках практически без изменений. Поэтому зачастую мы встречаем здесь такие образы, ситуации, символы, которые требуют специального анализа и расшифровки уже на уровне современных данных науки.

Начнем со «Сказки о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной Царевне Лебеди», созданной А. С. Пушкиным через одиннадцать лет после «Руслана и Людмилы» в 1831 году. Поэт трижды записывал текст этой сказки: в Кишиневе (1822 г.), от своей няни Арины Родионовны (1824 г.) и еще один раз, в 1828 г., правда, источник остался неизвестен. Все это свидетельствует о том, что данный сюжет был достаточно широко распространен и стойко хранился в народной памяти, так что вряд ли имеет смысл искать исходный вариант среди сказок братьев Гримм, как это иногда делается. Здесь стоит вспомнить русскую народную сказку «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» из собрания А.Н.Афанасьева: У царя и царицы три дочери – три родные сестрицы. Они идут на посиделки к бабушке-задворенке, где старшая обещает, если на ней женится Иван-царевич, вышить ему ковер-самолет; вторая сулит подарить кота-баюна, а третья – родить **девять** сыновей – «по колена ноги в золоте, по локти руки в серебре, по косицам часты мелки звездочки». Иван-царевич женится на младшей царевне. Во время его отъезда царевна родила трех из обещанных девяти сыновей. Но Баба-Яга отобрала у царицы детей, а взамен оставила трех щенят. Царевич рассердился, но в первый раз жену простил. Во время

следующей отлучки Ивана-царевича его жена вновь родила, но теперь уже шесть сыновей. Зная, что может прийти Баба-Яга, она спрятала одного сына в рукав. Баба-Яга заменила пятерых мальчиков на щенят. Приехавший домой царевич приказал посадить жену в бочку, заколотить, засмолить и бросить в океан-море. Сын Марфы-царевны растет не по дням, а по часам. Бочку выбрасывает на мель. На берегу по их пожеланию «устроилось великое царство». К царевне и ее сыну приходят нищие. Затем они идут в царство Ивана-царевича и рассказывают о виденном чуде. Баба-Яга говорит, что у нее в лесу, у старого дуба, живет восемь чудесных молодцов – «по колена ноги в золоте, по локти руки в серебре, по косицам часты мелки звездочки». Узнав об этом, Марфа-царевна отправляет сына в лес, где в подземелье под старым дубом жили ее сыновья. Братья узнают хлеб, принесенный им от родной матери, и поднимаются на землю. Иван-царевич слышит от нищих о новом чуде и едет на него посмотреть. Узнает свою жену и сыновей, казнит Бабу-Ягу. Таков сюжет этой сказки.

Судя по всему, А.С.Пушкин использовал какой-то другой вариант этой сказки, причем исключительно архаичный в своей основе. Основанием к такому выводу является четкая семантическая связь всех элементов повествования. Судя по всему, зачин «Сказки о царе Салтане» берет свое начало в древнейших пластах мифологии. Действительно, идея трех изначальных нитей, творящих все во Вселенной, трех богинь судьбы, известная еще ведической мифологической традиции, трех прях-Мойр древнегреческой мифологии, очень четко зафиксирована в сказке А.С.Пушкина. Дальнейшее развитие сюжета свидетельствует о том, что именно ведические мифологемы легли в основу данной сказки. Вспомним, что сделали бояре с царицей-пряхой, матерью князя Гвидона и ее сыном-богатырем, «росшим не по дням, а по часам» (что обычному человеку не свойственно, а присуще только божественным персонажам, приходящим в человеческом облике в мир людей и обязательно возвращающимся в мир богов). В отличие от многих, широко распространенных сюжетов с вынужденным отправлением младенца в лодке, коробе, корзине и т.д. по водам (во имя его спасения или с надеждой на возможность такого спасения), здесь совершается целенаправленное убийство. Бояре «царицу... в бочку с сыном посадили, засмолили, покатали и пустили в Окиян». Отданный стихии воды Гвидон именно в бочке начинает стремительно расти, именно ему, а не его матери, подчиняются волны. И это закономерно, ведь само его имя – Гвидон – говорит о связи с водой, водными глубинами: древнеиранское Дон, Днепр, Днестр и русское слово «дно» – родные братья. В дальнейшем сюжет строится таким образом, что убийство превращается в свою противоположность – вечную счастливую жизнь на чудесном острове Буяне, где сбываются все желания, где «все богаты, изоб нет, везде палаты».

В эпических заговорах с островом Буяном постоянно связано дерево, как правило, это дуб. Общеизвестно, что в индоевропейской мифологии дуб – символ божества неба (грома и молнии). Дуб – дерево Перуна у славян, Перкунаса – у балтов, а в древнегреческой мифологии Зевсу (в наиболее архаическом варианте) поклонялись в виде дуба у воды. Иногда, правда, в заговорах вместо дуба фигурирует «белая береза» – также одно из священных, чистых деревьев у всех индоевропейцев с глубочайшей древности. Образ острова Буяна и дерева на нем (дуба или березы) настолько устойчив в русских заговорах, что даже тысячелетие христианства не смогло стереть его из народной памяти. И более того, христианские мотивы соединяются в заговорах с образом «святого острова» и «древа жизни» в самые невероятные сочетания. Например: «У этого Окияна-моря стоит дерево-карколист; на этом дереве карколите висят: Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники...». Здесь невольно вспоминается Один – верховный бог скандинавской мифологии, изначально представлявший духовную власть, мудрость и сакральное знание, владыка небесного царства мертвых, удивительно близкий к арийскому Варуне, также владыке космического океана (т.е. небесного царства мертвых), царю закона и хранителю сакрального знания. Варуна, как было отмечено ранее, связан с деревом, крону которого он «держит в бездонном пространстве» и «корни которого вверх, а ветви вниз смотрят». В русском заговоре фигурирует дерево-карколист, о котором в одном из текстов говорится как о «дубе-карколите, вверх корнями, вниз ветвями». Именно на таком перевернутом Вселенском космическом дереве и «висят» в русском народном заговоре, записанном в XIX веке В.Далем, христианские святые «Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники». Не сидят под деревом, не, наконец, сидят на дереве, а именно висят. Вспомним, что Один (Водин или Вотан) сам себя принес в жертву и, пронзенный собственным копьем, девять дней висел на мировом дереве, после чего испил священного меда поэзии и постиг руны – средоточие высшего знания и

мудрости. Именно благодаря такой жертве Один-Водан соединяется с Мировым деревом и становится посредником между богами и людьми, то есть «великим помощником». О полнейшей перекодировке христианского образа свидетельствует и такой текст заговора: «На море на Окияне, на острове Кургане стоит белая береза, вниз ветвями, вверх кореньями; на той березе Мать Пресвятая Богородица шелковые нитки мотаает, кровавые раны зашивает...» . Связь Богородицы с мировым деревом в этом заговоре более чем очевидна, весь вопрос в том, что это за «Пресвятая Богородица». Судя по всему, перед нами тот самый древний дохристианский образ Богини-Матери, которая «по представлениям индоиранцев ассоциировалась с мировым деревом» . Образ Пресвятой Богоматери в заговорах очень часто соединяется и с находящимся на острове Буяне священным Алатырь или Апатр камнем – символом мировой горы. Вспомним, что в сказке «О Царе Салтане» дуб растет на холме (или кургане), который является аналогом мировой горы или Алатырь-камня. Причем именно на этот холм, под дуб приводит князь Гвидон свою мать – одну из трех дев-прых. Отметим в связи с этим, что в русских народных заговорах Мать Божия неоднократно входит в некую триаду: так, в одном из заговоров на остановку кровотечения, записанном в г. Дедюхине Пермской губ. Д.Петуховым в середине XIX века, говорится: «В восточной стороне есть синее море, на нем бел Латырь камень, на камне святая церковь, в церкви золотой престол. На том золотом престоле сидит Мать Божия с двумя сестрицами, прядет и сучит шелковую кудельку» . Правда, есть и такие варианты заговоров, где просто фигурируют три девицы. Например: «На море на Окияне, на острове Буяне стоит светлица, во светлице три девицы: первая иголки держит, другая девица ниточки делает, а третья девица кровавую рану зашивает» . Есть и такой вариант: «В этом великом океане-море есть каменная изба; в этой каменной избе сидят три сестры, самому Христу дочери. Большая сестра сидит у порога на золотом стуле, берет иглу булатную, вдеват нить шелковую, зашивает рану кровавую» . Надо отметить, что даже в тех заговорах, где, казалось бы, полностью исчезла древнейшая основа, отзвуки глубочайшей многотысячелетней архаики все равно дают о себе знать, как в этом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Стану я, раб божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверями, из ворот воротами, стану на восток лицом, на запад кресцом. Сидит девица душа красная, Пресвятая Богородица, в трои золотые пяла шьет, шелкова нитка, золота иголка...» . Море-океан, остров Буян, дуб-стародуб или заповедный камень Алатырь (Алатр), как обязательные элементы сакрального пространства, присущи огромному количеству русских народных заговоров. Христианская топография, попадая в древний текст, как бы переплавляется в нем, ничего не меняя по существу: «На море на Океане, на острове Буяне стоит крута гора Сион-матушка, на крутой горе растет дуб-стародуб...», «На море, на Окияне, на острове Буяне стоит гора Арарат, а на той горе, на Арарате, лежит заповедный камень...» . Причем, древнейшие сакрализованные пространственные элементы постоянно получают в заговорах определения такого характера, как «пречистый святой Океан», «святое море Окин», «Окиян-море железное», «Святой Божий остров» и т.д.

Говоря о сказке «О Царе Салтане», можно подчеркнуть, что А.С.Пушкин удивительно бережно обходился с мифологическим текстом, сохраняя все его детали, то есть делал то, что впоследствии требовал от писателей В.Белинский, убеждая их сказки, созданные народом, записывать как можно вернее под диктовку народа, а не подделывать и переделывать. Печальным опытом подобных подделок и переделок был в XIX веке сборник И.П. Сахарова «Русские народные сказки», вышедший в свет в 1841 году. В.Я. Пропп отмечал, что В.И. Даль «совершенно сознательно перерабатывал народные сказки и издавал их. Он выпустил две книги, которые не представляют почти никакого интереса для фольклористов и очень слабы с точки зрения художественной. Между тем, в руках Даля было огромное собрание сказок. Он передал Афанасьеву до тысячи номеров народных сказок, записанных им и другими лицами. Афанасьев использовал из них для своего собрания только 148, с горечью отмечая, что «очень немногие... переделаны с соблюдением местных грамматических форм». И далее В.Я.Пропп констатирует: «Почему Даль, который выпустил классический сборник русских пословиц, который издал замечательный словарь великорусского живого языка, не издал подлинных народных сказок, а предпочел издавать свои собственные переделки? Мы можем это объяснить только уровнем развития науки того времени» . Отметим, что и вторая книга сказок В.И. Даля («Повести, сказки и рассказы казака Луганского» Спб., 1846), и сборник И.П.Сахарова вышли в свет уже после всех сказок А.С. Пушкина в 40-х годах XIX века. Тем поразительнее кажется то внимание к мельчайшим деталям, которым отмечено обращение великого поэта с народными сказочными текстами. Так, в «Сказке о Царе Салтане» им сохранен такой образ (как правило, утраченный в

других вариантах этого сюжета), как мать трех девиц-прях – «Сватья Баба Бабариха». Этот образ мы встречаем в заговорах: «На море на Океане, на острове Буяне сидит баба на камне, у бабы три дочери: первая с огнем, вторая с полымем, третья руду заговаривает и ломоту». В ведической традиции воплощением «законов божественных, надкосмических и внутрикосмических» была Пракрити – изначальная сущность, которая состояла из трех субстанций или трех нитей (гун): саттвы – покоя, разумности, озаренности, благости (белой нити); раджаса – движения, страсти, желания (красной нити); тамаса – инерции, тупости, сонливости, злобы, тьмы, тяжести (черной нити). Надо заметить, что в севернорусской народной традиции сохранилась память об этих изначальных нитях, сплетающих судьбу человека. Так, в одном из поморских заговоров (записанном в 1912 г. Г.Цейтлиным) говорится: «На море, на океане, на острове на Буяне сидят Клеймон Папаринский и Василий Лекаринский и тугой лук натягивают... Бело пришло – бело прочь поди; черно пришло – черно прочь поди; красно пришло – красно прочь поди...». Вероятно, именно в этот древнейший круг образов и входят пушкинские сватья Баба Бабариха и ее дочери-пряжи в сказке «О Царе Салтане».

Одним из ведущих персонажей в этой сказке А.С.Пушкина является Царевна Лебедь, у которой «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит». Причем, если Князь Гвидон – повелитель вод, то Царевна Лебедь – символ звездного неба. Оснований для такого предположения более чем достаточно. Если мы обратимся к древнейшим литературным памятникам индоевропейцев Ригведе и Авесте, то узнаем, что в санскрите «hansa» – гусь, лебедь и душа, познавшая высшую истину, высший дух. В гимнах Ригvedы и Авесты гусь-лебедь ассоциируется с творческим началом Вселенной, со светом, разумом и богом-творцом. В хорезмийской концепции происхождения Вселенной есть свидетельство того, что «изначальное божество, заключающее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы». Стоит вспомнить также, что спутником Сарасвати – великой водной богини ведической эпохи – был гусь-лебедь, который олицетворял собой всеохватывающее небо. Не менее значимым был этот образ и в славянской культурной традиции. Еще на праславянских украшениях встречаются многочисленные изображения лебедей. На древнеславянских зольниках – местах ритуальных костров – археологи находят вырытые в земле гигантские фигуры лебедей. Древнегреческая мифология не случайно связывает лебедей – священных птиц Аполлона – с северной окраиной Ойкумены, куда они ежегодно уносили бога к берегам холодного Кронийского океана, в земли гипербореев. Вероятно, прав Б. А. Рыбаков, считая, что «солнечных лебедей праславянского мира мы должны рассматривать не как механическое заимствование античного мифа, а как соучастие северных племен в каком-то общем (может быть, индоевропейском) мифотворчестве, связанном с солнцем и с солнечным божеством». Для восточнославянской фольклорной традиции характерно практически тоже восприятие этого образа, что и в ведических гимнах четырехтысячелетней давности. И так же, как ведическая традиция связывает водоплавающую птицу с верховным существом – творцом Мира, так и записанная в середине XX века (!) в Русском Устье на р. Индигирке космогоническая легенда о сотворении земли связывает образ творца с уткой-гагрой. Причем, эта легенда удивительно близка к ведическому представлению об акте творения. В целом, в русской народной традиции образы водоплавающих птиц – уток, гусей, лебедей играют совершенно исключительную роль. Зачастую именно утица, лебедь или гусь маркируют собой сферу сакрального в обрядовых песнях календарного цикла. Особенно же широко распространены образы гусей и белых лебедей в русских народных свадебных песнях, где постоянно сравнение невесты с «лебедью белой», плывущей по «Морю Хвалынекому», «по Дунаю», восклицательной «на тихих заводях», «отстающей от стада лебединого» и т.д. Кстати, и «пава» русских народных песен, судя по всему, мыслилась также водоплавающей птицей-уткой или лебедью. Об этом свидетельствует песня, записанная в 1958 году в Архангельской области:

«Что на тихой на тишине,
Да на тихой лебединою
Да там не паванька плавала,
Да не пава перья ронила...»

А. С. Пушкин, вероятно, прекрасно знал это, когда писал о своей Царевне Лебеди:
«А сама-то величава,
Выплывает, будто пава».

Конечно, во времена А.С. Пушкина эта традиция была гораздо ярче и многообразнее, и само осознание образа «белой лебеди» народом было глубже и серьезней.

Так, Е.Е. Кузьмина подчеркивает, что в индоиранской мифологии водоплавающая птица выступала олицетворением и спутницей богини-матери, связанной с водой, которая часто изображалась в виде «мирового дерева» с сидящими на нем птицами. Но именно такая композиция – дерево с сидящими на нем птицами, утицами, лебедями или павами – является одной из самых распространенных в русской народной вышивке от Орла и до Архангельска. В пушкинской «Сказке о Царе Салтане» весь комплекс связей, отмеченных для индоиранской традиции Е. Е. Кузьминой, выявлен исключительно рельефно. Здесь есть богиня-мать, связанная с водой (и ее сын – повелитель вод), водоплавающая птица (Царевна-Лебедь) и мировое дерево (дуб).

Известно, что ведическая традиция связывает гуся-лебедя с музыкальным ладом, с сакральными музыкальными ритмами, с особым строем напева священных текстов, со стихотворным размером, с определенным положением руки в танце. Но и в восточнославянской, и особенно севернорусской, традиции гуси-лебеди тесно связаны с музыкальным ладом, с гуслиями (часто крыловидными, в связи с чем заметим, что в санскрите «hansapaksa» – крыло лебедя – название определенной позиции руки в танце), с обрядовыми плясками.

Мы должны отметить также, что в языке древнеиндийской культуры санскрите слово hansapada обозначает киноварь, то есть красный цвет. Интересно, что рабочая часть ткацкого стана, создающая узоры нитью красного цвета по белой основе, носит в русской традиции название «уток». Но в ведических текстах понятие «уток ткацкого стана» связывается с представлением о мироздании, где нить утка, не прерываясь, переплетается с основой и образует узор ткани. В ней основа – субстанционально-качественная (энергетическая) нить, а уток расцвечивает основу природы, осуществляет разнообразие ее необъятной, но единой ткани.

Зная о том, что в древнейшей традиции музыкальный лад, связанный с гусями-лебедями, творит музыку Космоса, что игра на гуслиях соизмерима в этом мифопоэтическом ряду с тканьем «мировой гармонии», со структурированием Вселенной, можно понять, почему проповедник XII века Кирилл Туровский грозил посмертными муками тем, кто ворожит, гудит в гусли и рассказывает сказки, почему в требнике XVI века среди вопросов на исповеди были такие, как: «Не пел ли еси песней бесовских. Не играл ли еси в гусли...», а игумен Памфил ругал псковичей за то, что во время Купальской ночи они играли «в бубны и сопели и гудением струнным».

В свете этих исторических данных удивительно то, что А.М. Мехнецову удалось обнаружить архаические формы в живой гусельной традиции Псковской области в 80-х годах XX века! Это свидетельствует о том, что не смотря на все гонения, традиция (а значит в какой-то мере и древняя вера) осталась жива на Псковской земле – земле потомков легендарных кривичей, народа, известного еще гимнам Ригvedы и преданьям Махабхараты, вплоть до наших дней. Нам сложно представить себе насколько сохраненной и развитой она была во времена А.С. Пушкина. Мы можем только предполагать, что эта традиция была представлена значительно богаче и разнообразнее, чем в наши дни. Утицы, гуси и лебеди русской народной вышивки, уткообразные притужальники ткацких станов, солоницы, скобкари и братины в форме утки или лебедя, утицы, венчающие, наряду с коньками, крыши крестьянских домов, крыловидные гусли и гуси-лебеди народных песен, сказок, заговоров – весь этот архаический пласт народной культуры был еще живым и полнокровным даже в середине XIX века, тем более в его первой четверти. И такой чуткий художник, как А.С. Пушкин, конечно, не мог пройти мимо загадочного и прекрасного образа Царевны Лебеди (или Белой Лебеди), сохраненного одним из вариантов сказки «О Царе Салтане».

Надо заметить, что в первоисточнике, взятом поэтом за основу «Сказки о Царе Салтане», даже, казалось бы, второстепенные детали повествования при ближайшем рассмотрении оказываются весьма серьезными и значимыми элементами древнего мифа. Так, первым, что сделал князь Гвидон, ступив на берег острова Буяна, было изготовление из дубовой ветки лука, тетивой которого становится «снурок шелковый» от нательного креста. Именно благодаря этому луку князь Гвидон

спасает Царевну-Лебедь и, в конце концов, получает ее в жены. Здесь невольно напрашиваются аналогии с ситуацией «Одиссеи», где не признанный муж получает вновь супружеские права, натянув свой лук. Это представляется особенно интересным в связи с тем, что лук и стрелы – оружие типично скифское, и изображения греков-лучников отсутствуют. Возможно, объяснением такого особого отношения к луку вообще и его натягиванию в частности, и в древнегреческой мифопоэтической традиции, и в русской народной сказке служит то, что понятие «лук» кроме оружия включало в себя в глубокой древности также и представление о мужской сексуальной силе, что зафиксировано, например, в пракритской поэзии, в охотничьих песнях.

Такой персонаж сказки «О Царе Салтане» как белка, которая «песенки поет, да орешки все грызет», имеет себе аналог в германо-скандинавской мифологии, где сохранился образ белки, связанной с мировым деревом Игграсилем, которая снует по этому дереву, являясь посредником между «верхом» и «низом». Есть также предположение о том, что в «Слове о полку Игореве», где, кстати, струны гусель сравниваются со «стадом лебедей», **Боян передвигался не «мыслью по дереву», а «мысью», то есть белкой.**

Возвращаясь вновь к «острову Буяну», отметим, что в некоторых заговорах XIX века «остров Буян» прямо называется погостом или кладбищем: «Стану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, пойду я на погос, на Буево... поворочу я на святую могилу, спрошу я у мертвого мертвица...» и соотносится с местом, где покоятся умершие: «На мори на Кияни, на острови на Буяни, на камне на высоком стоит гробница, в гробе лежит красная девица...». Интересно, что и 33 морских витязя – братья Царевны-Лебеди, связанные с морем-океаном и островом Буяном, известны русским заговорам: «На море Океане, на острове Буяне лежат тридцать три мертвеца...». Отметим, что ведет богатырей их «дядька Черномор»; здесь, в пределах своего локуса – мира мертвых, небесного космического океана, он, безусловно, положительное начало.

В связи с образом 33 богатырей из сказки «О Царе Салтане», которые имеет смысл вспомнить, что в ведийской мифологии, как и в древнеиранской (Видевдат), общее число древнейших богов составило 33: «Богов на небе – 11, на земле – 11, в водах – 11». В гимне Ригvedы, обращенном к божествам утренней и вечерней зари, всадникам Ашвинам, певец зовет: «Сюда, о Насатьи, с трижды одиннадцатью», то есть со всеми богами, живущими в глубинах неба – космического океана Вечности.

О том, что в «Сказке о Царе Салтане» остров Буян действительно является «тем светом», местом, где обитают умершие, свидетельствует также постоянное оборотничество князя Гвидона, который для всех своих возвращений в мир живых (царство Салтана) использует чужое обличье. Общеизвестно, что в народных представлениях у мертвых нет обычного земного тела («у навей нет облика»), поэтому они могут прийти в этот мир, только позаимствовав у кого-то его плоть. С этими представлениями связана традиция ряжения в Святки и на Масленицу – дни, посвященные предкам, возвращающимся в мир живых. Такое восприятие ряженных дошло практически до наших дней. Согласно данным, полученным фольклорно-этнографическими экспедициями под руководством А.М. Мехнецова, в 80-е – 90-е годы XX века во всех районах Псковской области информаторы помнят о таких обязательных персонажах ряжения, как «предки» (старцы, покойник), «нелюди», «чужаки» (нищие, побирушки), «высокие старухи». Л.Н. Виноградова подчеркивает, что ряженные (окрутники, кудесники, шуликоны, колядники, полазники и т.д.) и нищие являются теми ритуально значимыми лицами, при посредничестве которых можно связаться с миром умерших. Здесь стоит отметить, что русское слово нищий соотносится с древнеиндийским *nistyas*, что значит «чужой», «нездешний» и в целом аналогично понятию «ряженный». Л.Н. Виноградова считает, что «по-видимому, можно разделить мнение ряда специалистов о том, что есть основания (в том числе и языковые свидетельства) предполагать, что нищие (и ряженные) воспринимались как заместители умерших, а щедрое их одаривание – как отголосок поминальных жертвоприношений». Для того, чтобы душа живого человека не оставалась навсегда на «том свете», ряженные категорически запрещали называть себя по имени, узнавать себя. За нарушение этого запрета провинившегося «били смертным боем», так как считалось, что душа поименованного может не вернуться в его тело, занятое на время Святки или Масленицы кем-то из его предков. Такое положение могло принести общине неисчислимые

бедствия, т.к. в дни Святков и Масленицы все жили по законам «перевернутого мира» – мира предков. Именно об этом свидетельствуют воспоминания стариков и старух из разных районов Псковской области (80-е – 90-е годы XX века), отмечавших, что ряженных называли «дедами», что они ходили молча или «выли по-собачьи», кланялись до земли, что их лица были вымазаны сажей, что они были не смешны, а вызывали уважение и страх, что их ждали в каждом доме и готовились к этой встрече. Но по окончании этих обрядовых циклов все возвращалось на свои места, и живые начинали жить по законам мира живых людей. Оставшаяся же в теле человека душа умершего продолжала бы жить по законам «того света», принося живым вред. Остается только удивляться, насколько тонко чувствовал эти оттенки обряда великий русский поэт, коль даже такие, казалось бы, мелкие детали отмечены им в «Сказке о Царе Салтане»: ни царь Салтан, ни ткачиха, ни повариха, ни сватья Баба Бабариха никогда не называют комара – комаром, муху – мухой, а шмеля – шмелем. Когда «с криком ловят комара», то это «распроклятая ты мошка!», когда пытаются поймать муху, то «лови, лови, да дави ее, дави...», когда шмель кусает нос «старой бабушки своей», то мы снова слышим: «лови, да дави его, дави...». Ничто из живого, что может перенести хотя бы кусочек «того света» в наш мир, не может быть названо по имени.

После своих подвигов в мире живых князь Гвидон возвращается на остров Буян, преодолевая морские просторы. Ряженные в русской народной традиции обязательно в Крещение (когда, как правило, трещали самые лютые морозы) после освящения воды купались в проруби, возвращая «тому свету» душу предка, которому «одалживали» на время Святков свое тело. Сделать это было необходимо, так как с древнейших ведических времен считалось, что кратчайший путь души на небо, в обитель богов и предков, – это погружение в речные или морские воды. Такие представления были еще живы в российской глубинке в начале XX века. Но остается только удивляться тому, что даже в 1996 году в деревне Журавлев Конец Гдовского района Псковской области фольклористам сообщили, что те, кто рядились на Святки, в Рождество обязательно должны были обливаться тремя ведрами колодезной воды. Конечно, русским крестьянам – современникам А.С. Пушкина, не нужно было объяснять, что «остров Буян» – мир умерших, тот свет. Об этом говорило не только название чудесного острова, но и то, что «все в том острове богаты, изоб нет, везде палаты». Но в устах дворянина, барина – А.С.Пушкина – все это свидетельствовало о том, что он удивительно хорошо ориентировался в народных обрядовых текстах и умел находить среди них те, которые наиболее точно выражали мысль поэта.

Из этого же ряда и образы корабельщиков-гостей, которые плавают из царства Салтана к острову Буяну и обратно. В принципе, между ними и «нищими», «странниками», «чужаками» святочного ряженья можно поставить знак равенства, они также соединяют мир живых (царство Салтана) и мир мертвых (остров Буян).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что весь сюжет пушкинской сказки построен на основе архаических мифологем и, по сути, является логичным мифопоэтическим текстом с минимумом инноваций. У поэта был прекрасный сказочный первоисточник. Удивительно другое – насколько бережно А.С.Пушкин обошелся с этим первоисточником, сохраняя все его детали даже в мелочах. Надо подчеркнуть, что и другие сказки А.С.Пушкина, написанные на основе русских народных волшебных сказок, также наполнены богатейшим и архаичнейшим фольклорным материалом, причем, использованным именно в том контексте, который и предполагали древние мифологические тексты. Поскольку прототипы сказок «О золотом петушке» и «О рыбаке и рыбке» спорны: В.Я.Пропп полагал, что «Сказка о рыбаке и рыбке» восходит к сказке братьев Гримм, а «Сказка о золотом петушке» – к В.Ирвингу, то мы обратимся к «Сказке о мертвой Царевне и семи богатырях», о которой В.Я.Пропп писал: «Имеется фрагментарная запись сказки о мертвой царевне. Принадлежность ее Арине Родионовне сомнительна, хотя и возможна. Пушкин воспользовался ею, но пушкинская сказка богаче и стройнее данного текста».

Поскольку анализ «Сказки о мертвой Царевне и семи богатырях» был в свое время блестяще проведен В.Я.Проппом, мы позволим себе остановиться только на некоторых деталях пушкинского текста, подтверждающих наличие в нем фольклорно-мифологических мотивов, исключительно близких к зафиксированным в ведической литературе – Ригведе, Махабхарате, Брахманах – с одной

стороны, и в русских обрядовых песнях, заговорах, сказках – с другой. Начнем с того, что уже неоднократно отмечалось исследователями: та часть сюжета пушкинской сказки, которая относится к жизни Царевны в лесу у семи богатырей, удивительно похожа на ситуацию, описанную в древнеиндийском эпосе Махабхарата, где пять братьев Пандавов живут в лесу со своей общей женой Драупади. Но на этом сходство заканчивается, из чего можно сделать вывод о том, что и в основе одного из сюжетов древнеиндийского эпоса, и русской сказки лежал какой-то общий протосюжет или, как полагал В.Я.Пропп, некий древний обряд, связанный с так называемыми «мужскими домами». Но в сюжетной канве сказки А.С.Пушкина есть одна удивительная деталь – путешествие королевича Елисея. Разыскивая свою невесту повсюду, он объезжает стороны света, а затем обращается за ответом к солнцу, месяцу и ветру. Ответ он получает только от Ветра, который «всюду веет на просторе». Но вот перед нами древнее сказание – «шрути» (букв. «услышанное») из текстов брахман под названием «Поучение Дхиры», где говорится следующее: Огонь – все, что ни есть на свете. «Поистине, Агни – это дыхание. Ибо когда человек спит, речь его умирает вдыхании, и зрение умирает в дыхании, и разум, и слух. А когда человек пробуждается, все они возникают вновь издыхания. Это о нашей сути». Но «Будучи зрением, он (Огонь) – Солнце; будучи разумом – Луна; будучи слухом – Страны света; а будучи дыханием, он – Ветер, который всюду веет».

И здесь имеет смысл вновь процитировать древний текст «Поучения Дхиры», где говорится, что: «Когда огонь уходит ввысь, тогда он, поистине, исчезает в ветре, и оттого, что он исчезает в ветре, о нем говорят: «развеялся». Когда же заходит солнце, оно тоже погружается в ветер, и луна погружается в ветер, и страны света зиждуются на ветре и из ветра появляются вновь. И когда тот, кто знает это, уходит из нашего мира, своей речью он сливается с Огнем, зрением – с Солнцем, разумом – с Луной, слухом – со странами света, дыханием – с Ветром. А растворившись в них, он становится тем из этих божеств, каким пожелает, и обретает покой».

В «Сказке о мертвой Царевне и семи богатырях» Царевна спит: ее речь, слух, зрение, разум – «умерли в дыхании», то есть в ветре, поэтому ни стороны света, ни солнце, ни месяц не могут ничего ответить королевичу Елисею. Это дано только Ветру-дыханию, в котором растворилось все остальное.

Возможно, в «Сказке о мертвой Царевне и семи богатырях» мы имеем дело с очень архаическим мифом, сохраненным народной памятью еще с той далекой поры общеиндоевропейского единства, когда предки многих современных народов, говорящих на индоевропейских языках, жили на своей прародине – в Приполярье. Слишком многое в этой сказке не укладывается в схему традиции «мужских домов» и «обрядов инициации». Ее сходство с одним из сюжетов Махабхараты, как было отмечено ранее, ограничивается жизнью в лесу царевны и семи богатырей в нашем случае, и пяти богатырей-братьев Пандавов и царевны Драупади – в индийском варианте. Однако, повторяем, на этом сходство заканчивается, так как Драупади – общая жена пяти братьев Пандавов, а царевна только названная сестра семи богатырей, что весьма существенно. Но если мы обратимся к мифологии, к гимнам Ригведы, то выявится очень интересная картина. В гимнах самой древней части «книг знаний» Вед – Ригведы постоянно воспеваются зори: утренняя, предваряющая приход солнца и незакатный 86-дневный день, и вечерняя, предстоящая 64-дневной зимней ночи. Действительно, следом за вечерней зарей и многодневными сумерками на широтах 70 – 68° с. ш. наступает двухмесячная полярная ночь, озаряемая только сполохами северного сияния. Заговоры Атхарваведы называют эту ночь «супругой года». Но весной заря снова оживает и предваряет длинный летний день. В гимнах зори, разделенные ночью, воспеваются как мать и дочь:

«Ушли те смертные, что видели,
Как зажигается более древняя Заря.
Это нам теперь она явилась воочию.

Утреннюю зарю в гимнах называют «ярко пылающей юной женщиной в светлых одеждах» и «дочерью неба», но подчеркивают, что она «сестра ночи», а солнце «ее возлюбленный». О них говорят, что «ночь и заря одного духа, (но) разного вида», что когда «светящаяся, сияющая, она пришла (т.е. заря), уступила черная ей (свои) насиженные места». Заря «пробудилась», раскрывая

края неба. Далеко прочь она прогоняет (свою) сестру» (т.е. ночь), и «юная женщина сверкает глазом (своего) возлюбленного» .

Отметим, что, будучи дочерью неба, заря всю долгую зимнюю ночь отсутствует, спит в небе, где находятся и особо чтимые в ведическое время семь звезд Большой Медведицы (семь риши Ригведы, т.е. «семь мудрецов»). Они считались прапредками арьев, в то время как заря – праматерь, так как именно она «отмеряет награды, состоящие из потомства», «озирует все существа», «уменьшает срок жизни смертного», «повелевает надо всем земным добром», «пробуждает людей, поднимает все живое». Зарю называют «матерью богов, высокой богиней», которая «укрепляет людей в роде людском». Будучи богиней, она сестра семи звезд-предков и, естественно, у них отдыхает всю долгую зимнюю ночь, до той поры, пока ее не разбудят первые лучи приходящего на север солнца – «ее возлюбленного». И тогда она начинает сиять солнечным светом – «глазом своего возлюбленного», постепенно заполняя все пространство неба и прогоняя царившую до нее ночь. Вся описанная выше мифологическая ситуация достаточно легко укладывается в сюжет «Сказки о мертвой Царевне и семи богатырях» А.С.Пушкина. Отметим, что богиня утренней зари Ригведы Ушас – это весенняя заря и зиму она проводит «в твердыне на горе» . В.Н.Топоров отмечает, что образ Ушас восходит к индоевропейскому представлению о заре и ее имя тождественно древнегреческому Эос, латинскому Аврора, латышскому Усиньш, русскому Усень, Авсень. Интересно также то, что «вне Ригведы она появляется очень редко и вскоре в послеведийскую эпоху полностью исчезает», хотя «архаичность образа Ушас несомненна; ее сравнивали с ипостасями женских божеств типа Великой матери» . Такое странное исчезновение образа божества можно объяснить только одним – на полуострове Индостан, куда арьи принесли и где сохранили до наших дней гимны Ригведы, сложившиеся в высоких северных широтах их прародины, не было многодневной утренней зари, предвещавшей приход солнца и незакатный 86-ти дневный летний день, и не было 64-х дневной зимней ночи, когда заря и солнце отсутствуют. Что касается русской народной традиции, то можно только удивляться, сколько сказок, песен, заговоров связано в ней с «Зарей-Заряницей, Красной девицей».

Возвращаясь же к символике пояса, заметим, что в ведической традиции пояс – это «богиня-сестра, священная повязка», которая «оставив дурные слова, очищая человека как очиститель, одевается силой вдоха и выдоха, мощью». Индийский исследователь Р.Б.Пандей пишет: «Пояс считается дочерью веры (шраддхи) и сестрой мудрецов». Кроме того, он отождествляется с пуповиной, которая соединяет человека с его прапредками – небесными мудрецами. Об этом свидетельствует один из гимнов Ригведы, в котором брахман Трита (что значит – Третий) говорит: «От земли до семи лучистых пуповина моя восходит», – имея в виду свое родство с семью звездами Большой Медведицы – прапредками арьев . Таким образом то, что заря в русских народных заговорах выполняет функции пояса и очищает человека, находит полные аналогии в древних ведических текстах. Причем, она всегда «красная девица» и, судя по гимнам Ригведы, сестра семи звезд Большой Медведицы, самого почитаемого созвездия индоевропейской древности. Поэтому в сказке А.С.Пушкина Царевна не может быть женой ни одному из семи богатырей – они ее братья. И спит она сном, похожим на смерть, не где-нибудь, а в хрустальном гробе, находящемся в пещере в горе. Вспомним, что ведическая богиня зари Ушас тоже проводит зиму в «твердыне на горе». Судя по всему, в сказке А.С. Пушкина хрустальный гроб – символ холода и льда, ведь общеизвестно, что в древности и средневековье хрусталь действительно считали окаменевшим льдом. Кроме того, в одном из заговоров, записанных в середине XIX века в Тобольской губ., говорится, что за морем, за горами, «из ледяной лужи течет ледян змей и пожирает он чистое серебро и красное золото» . Здесь, наверное, стоит вспомнить, что заря и у индоиранцев, и у славян всегда ассоциируется с золотом. Таким образом, мы можем сделать вывод, что и для «сказки о мертвой Царевне и семи богатырях» А.С.Пушкин имел прекрасный прототип, сохранивший архаический мифологический сюжет, с которым поэт обошелся также чутко и бережно, как и с предыдущим сказочным первоисточником.

И, наконец, в народных заговорах зафиксирована возможность навести на девицу порчу при помощи яблока. В середине XIX века Л.Н.Майковым во Владимирской губернии был записан текст, который произносился «в самую полночь», на кислое яблоко. Творящий заговор (правда, «на присуху девок») произносил настолько страшные и жестокие слова, что ничего хорошего девицам это не сулило .

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в сказке Царевна погибает, откусив кусочек яблока, отравленного или заговоренного.

В отличие от «Сказки о Царе Салтане» и «Сказки о мертвой Царевне», в таких пушкинских сказках, как «О рыбаке и рыбке» и «О золотом петушке» прямых аналогий древним мифам мы не найдем. В.Я.Пропп писал, что «в бумагах Пушкина не обнаружено записей сказки о рыбаке и рыбке, а также сказки о золотом петушке. Сказка о рыбаке и рыбке восходит к сказке братьев Гримм, сказка о золотом петушке – к В.Ирвингу». Однако следует заметить, что сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» известен в очень многих традициях, он интернационален, как интернациональны человеческая жадность и глупость. Есть эта сказка и в русской народной традиции, она вошла в сборник А.Н.Афанасьева под названием «Золотая рыбка». Как и многие русские народные сказки, она начинается словами «на море на океане, на острове на Буяне». А далее рассказывается о старике и старухе, которые жили «в великой бедности». Старик, поймав рыбку, отпустил ее, а затем, по настоянию старухи, просил у нее хлеба, корыто, избу, сделать жену воеводихой, царицей и, наконец, морскою владычицей. В финале сказки старик, вернувшись с берега моря, увидел снова ветхую избушку и свою старуху в изодранном сарафане. Есть еще один вариант, близкий к сюжету «Золотой рыбки», сказка, опубликованная А.Н.Афанасьевым под названием «Жадная старуха». Здесь старик «сыскал старое дерево в лесу», которое начал рубить. Дерево просит не рубить его и обещает выполнять желания старика. И вновь глупая и жадная старуха портит все. В результате пожелавшие сделаться богами старики превратились в медведя и медведицу. Однако, если мы обратимся непосредственно к образу «золотой рыбы», способной исполнить любое желание человека, то выяснится, что такой образ хорошо известен русской фольклорной традиции. Он зафиксирован, в частности, в сказке «По щучьему велению». Образ золотой щуки присутствует и в эпических заговорах. Так, например: «Есть в чистом поле Окиян море, и есть на Окияне море белый камень, и есть под белым камнем щука золотая – и перье золотое, и кости золотые, и зубы золотые. И приди, щука, к рабу Божию (имя рек) и выгрызи у раба Божия (имя рек) своими золотыми зубами грыжу ветрянную, грыжу напущенную...». Такими словами начинается древний заговор, извлеченный П.С.Ефименко в середине XIX века из старинного сборника. Похожий текст заговора от порчи свадьбы был записан в то же время в Череповецком уезде Новгородской губернии Н.Чернышевым: «...выну из тридевять замков тридевять ключей, кину я те ключи в чистое море океан. И выйдет из того моря щука златопёрая, чешуя медная, и та щука проглотит тридевять моих ключей и сойдет в море, в глубину морскую...». Интересно, что образ удивительной щуки сохранился в народной памяти вплоть до наших дней.

Таким образом, первоисточником пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке» вполне могла быть русская народная сказка, в которой фигурировала именно эта золотая щука, исполняющая любые желания, как и в сказке «По щучьему велению». Стоит отметить, что в «Сказке о рыбаке и рыбке» присутствуют ярко выраженные фольклорные мотивы: это и сам язык повествования – сочный, народный; и такие детали, как использование сакрального в архаическом мифологическом контексте числа 33. («Они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года»); и, наконец, желание старухи не просто жить «в Окияне-море», но быть «владычицей морскою», то есть богиней. В русских заговорах, приведенных выше, щука обладает неким высшим знанием, способностями и мудростью, ей доступно то, что не доступно никому. И здесь вновь хотелось бы обратиться к одному из сюжетов Махабхараты, рассказывающему о сверхподвижнике и сверхмудреце Щуке, имя которого на санскрите означает буквально «пестрый». Необычно его рождение: великий мудрец Вьяса, желая иметь сына, молил о нем Всевышнего и занимался подвижничеством на высочайшей вершине священных северных гор Меру, о которых мы уже упоминали в главе «Белая Индия». Довольный его благочестием Творец пообещал Вьясе, что у него будет сын «как огонь, как земля, как вода, как ветер и как твердь... великий, чистый... славы в трех мирах достигнет». Щука появился из арани – деревянного приспособления для получения огня. Причем, «при своем возникновении он был как бездымное пламя. Тот (огонь) превосходнейшая река Ганга, с хребта Меру... придя в своем образе, водой поглотила». (Заметим, что рек с названием Ганга в письменных источниках XVII – XIX вв. в Олонецкой и Архангельской губерниях было несколько. Есть предположение, что Ганга древнеарийских текстов – это р. Волга). Затем силой своего подвижничества Щука превзошел своего отца и богов, поднялся в небо и достиг небесного потока. И тогда «возгласом «Щука!» его долго

призывал Вьяса; отзвуки призывов отца наполнили три мира, а Щука стал душою всего, вездесущим, всезрящим». Горюющему о Щуке отцу Бог-Творец говорит: «Пока плещут моря, пока стоят горы, дотоль не погибнет слава твоя и твоего сына. Отсвет, подобие твоего сына, всегда и везде, непреложно ты будешь по моей милости видеть в этом мире...». Махабхарата сообщает, что «с тех пор и оныне, если вскрикнуть призывный возглас, откликнется весь преходящий мир, подвижный и неподвижный».

Щука русских заговоров, судя по всему, имеет непосредственное отношение к реке вечности – небесному потоку (Млечному Пути или Молочной реке – кисельным берегам русских народных сказок). Эта золотая, булатная или белая Щука соотносится с Морем-океаном, Островом Буяном и Алатырь-камнем сакрального пространства «того света», и именно она – прототип той самой золотой рыбы, которая способна выполнить все желания вздорной старухи. Все, кроме одного: она не может сделать ее бессмертной, так как нет бессмертия в преходящем мире, а ведь именно это и предполагается последним желанием новоявленной царицы. Таким образом, можно предположить, что не только сказка братьев Grimm, но и русский народный мифо-поэтический материал, русские сказки, заговоры, песни могли стать основой сюжета «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С.Пушкина. Как, впрочем, и последней из рассматриваемых нами сказок – «Сказки о золотом петушке», которую В. Я. Пропп возводит к сюжету В. Ирвинга («Сказка об арабском звездочете»). Вполне возможно, что именно такой прототип имел место в данном случае, однако, надо заметить, что у русского поэта, прекрасно ориентировавшегося в русском фольклорном материале, должны были быть какие-то особые резоны, чтобы использовать сюжет В. Ирвинга. Возможно, в нашей сказочной традиции было нечто, похожее на «Сказку об арабском звездочете», ведь не случайно у пушкинского текста другое название – «Сказка о золотом петушке». В 70-х годах XIX века на Кур-острове Холмогорского уезда Архангельской губернии помощником миссионера Батраковым был записан следующий текст заговора: «Станет раб Божий (имя рек) благословесь и пойдет перекрестись, из избы дверьми, из двора воротами и станет под восточную сторону, и заглянет за тридевять земель и за тридевять морей. Там есть вылетает злат петух, садится на голову и на темя, порхат и выпорхает у раба Божьего (имя рек) золотым своим крыльем и золотыма своими коктями вси грыжи и грыжухи, родовы и напускные, уросны и прикосны, улетает у раба Божьего (имя рек) из головы и с темени; он уносит в золотых своих коктях и в золотом своем крыльи все грыжи и грыжухи,... улетает за тридевять земель и за тридевять морей. В том синем море есть лютая змея, отдавает злат петух той лютой змеи из своих золотых коктей вси грыжи и грыжухи, та лютая приедает и прижирает, тем сыта пребывает...». В этом старинном заговоре «злат петух» прилетает с восточной стороны, из-за тридевяти земель и тридевяти морей и выполняет важную охранительную функцию – он из темени у больного вынимает все болезни и прирожденные, и привнесенные. Но сам он их не уничтожает, а относит вновь за тридевять земель и тридевять морей лютой змее, которая их пожирает и тем сыта бывает. «Лютая змея» этого заговора помещена в сакральное пространство «того света», которое маркируют такие объекты, как: «море Океан», «остров Буян», «дуб-стародуб», «Алатырь-камень». Например: «На море Окиане, на острове Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит златой камень, на том камне лежит руно черное, на том руно лежит инорокая змея Гарафена». Мы уже отмечали, что «Лютая змея» русских зговоров зачастую ассоциируется или находится в родстве с «красной девицей». Так, в одном из них говорится, что «на море Окиане, на острове Кургане стоит сыр дуб, подтем дубом стоит кровать, на той кровати лежит девица, змеина сестрица» или: «... в синем море Океане белый камень, и от того белого камня выходит красная девица и приходит к тому рабу Божию (имя рек), и вынимает у того раба Божия с пупа грыжу, из-под пупа грыжу, и покладывает на шелкову ленту, и сносит к сырому дубу...». Но «белый камень» или «камень Белороб» в заговорах находится «на море-океане, на Большом Буяне, под дубом-стародубом» и именно на этом камне сидит «змея Скоропея». Ранее было отмечено, что способность змеи превращаться в сверхъестественную красавицу и наоборот – прекрасной женщины в змею – один из распротраненных сюжетов славянских сказок вообще и русских народных в частности. «Золотой петушок» и «змея-девица», помещенные на «восточной стороне» в сакральном пространстве «моря-Океана» и «острова Буяна», соотнесенные со священным дубом или камнем Алатырем, тесно взаимосвязанные друг с другом в русской народной заговорной традиции, являются таковыми и в «Сказке о золотом петушке» А.С.Пушкина. Здесь, как и в заговоре, действие происходит «негде, в тридевятом царстве». Царь, герой сказки, носит имя Додон, а мы уже отмечали ранее, что слова «дон»

и «дно» – родные братья и связаны с понятием «водные глубины». Царю Додону «мудрец, звездочет и скопец» приносит золотого петушка. Уже то, что звездочет-скопец, то есть мужская природа в нем убита, ставит его в положение существа среднего рода, чего-то промежуточного между тем и этим миром, некоего абстрактного начала. Опрометчивое обещание Додона выполнить первую волю мудреца, как свою, уже предвещает трагическую развязку. Царь, в силу своей вознесенности над остальными людьми – его подданными, даже не задумывается над возможностью такой ситуации, когда он не сможет выполнить свое обещание. Такой сюжетный ход хорошо известен русским народным сказкам, достаточно вспомнить самонадеянного царя, который пообещал водяному отдать то, чего он дома не знал, а отдавать пришлось собственного сына. Царь Додон в «Сказке о золотом петушке» теряет все. Сначала он платит свой долг за право «царствовать, лежа на боку» (что недопустимо для царя, то есть воина) жизнями своих сыновей. И здесь А.С.Пушкин обращается именно к русской обрядовой практике, подчеркивая, что, как от первого, так и от второго войска не было вестей по восемь дней. Именно на девятый день царь отправляет второе войско, именно на девятый день он уходит в поход с третьего войском, именно на девятый день он приходит в долину, где стоит шатер Шамаханской царицы, и лежат его убитые сыновья. Мы знаем, что в русской поминальной обрядности первые поминки после похоронных, как правило, проводят на девятый день. О том, что эта традиция казалась западноевропейцам странной, свидетельствуют слова одного из иностранцев, описывавших быт и нравы на Руси в первой половине XVII века. Он писал о поминках: «Они пользуются для этой цели третьим, девятым и двадцатым днями: однако почему они берут именно эти, а не иные какие-либо дни, о том я ничего не мог узнать до сих пор у русских...» . Для объяснения этой традиции достаточно обратиться к древним арийским представлениям, согласно которым со дня кремации до девятого дня тело умершего восстанавливается в новом качестве, и в девятый день «все тело покойного считалось воссозданным» . Итак, после того, как и второе войско не дало о себе никаких вестей, на девятый день сам Додон ведет свое войско на восток:

«Войска идут день и ночь;
Им становится невмочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана Не встречает царь Додон.
«Что за чудо?» – мыслит он.
Вот восьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит».

На девятый день войско царя Додона приходит в долину «промеж высоких гор», где «все в безмолвии чудесном». Вспомним «Руслана и Людмилу» и ту долину, в которую направляется за «живою и мертвою водой» волшебник Финн. Она также находится «за дальней цепью диких гор», где:

«Кругом все тихо, ветры спят, Прохлада вешняя не веет, Столетни сосны не шумят, Не выются птицы, лань не смеет, В жар летний пить из тайных вод».

В «Руслане и Людмиле» эту долину сторожит «чета духов с начала мира, безмолвная на лоне мира». Два духа – дух жизни и дух смерти, светлое и темное начало, символ добра и зла. Что же мы видим в «сказке о золотом петушке»? Ту же самую безмолвную долину и шатер с девицей, «Шамаханской Царицей», которая «вся сияя, как заря, тихо встретила царя». Заглянув ей в очи, царь Додон умолк и «забыл он перед ней смерть обоих сыновей». Ситуация противоестественная в любом другом месте, но только не здесь, не в этой «долине между гор», где царя встречает прекрасная дева-змея. Именно змеиную природу Шамаханской царицы подчеркивает поэт, говоря о том, что, заглянув ей в очи, можно стать зачарованным настолько, чтобы все забыть, даже смерть детей. Ведь целую неделю возле трупов своих сыновей:

«Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Додон».

И, наконец, финал. Звездочет и мудрец, «весь, как лебедь, поседелый», требует от Додона выполнения данного когда-то обещания:

«Помнишь, за мою услугу
Обещал ты мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою?
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».

Заметим здесь, что сравнение мудреца с «лебедем поседелым» тоже, судя по всему, не случайно. Возможно, объяснением ему может быть следующий текст заговора, записанный в начале XX века в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии Н. Виноградовым: «...В Окияне-море пуп морской; на том морском пупе – белый камень Олатырь; на белом камне Олатыре сидит белая птица. Летала та белая птица по городам и пригородам, по селам и приселкам, по деревням и придеревням; залетала тая белая птица к рабу Божиему (или рабе Божией) (имя рек) и садилась на буйную голову, на самое тямя; железным носом выклеывала, булатными когтями выцарапывала, белыми крыльями отмахивала призоры и наговоры, и всякую немочь за синее море, под белый камень, под морской пуп». Но именно там, на белом «Латырь камне» посреди моря-окиана, «стоит столб от земли до неба огненный», а «подтем столбом лежит змея жгуча, опалюча», как утверждает один из пинежских заговоров, записанный П. А. Ивановым в середине XIX века. «Белый лебедь» или «злат петух» выполняют одну и ту же работу в заговорах – или тот, или другой относят ношу болезней, невзгод и т.д. на съедение «змее лютой». Вероятно, не случайно имя царя в «Сказке о золотом петушке» – Додон – так близко к имени героя «Сказки о Царе Салтане» – Гвидон. Ситуация выбора, в которой оказываются и тот, и другой, в целом очень похожа. Гвидон выбирает из «двух духов» светлое начало – Лебедь Белую и убивает коршуна – символ и средоточие зла. Додон тоже делает свой выбор – он убивает Белого Лебеда – Мудреца и отдает себя силам зла в образе Шамаханской Царицы. Но расправу творит не она, а «золотой петушок», который садится на темя царю и клюет его в голову. Вспомним еще раз текст старинного поморского заговора, где «злат петух садится к рабу Божьему на голову, на темя» и выклеывает, а потом и уносит к «змее лютой» все дурное, что есть в человеке. Но весь ужас положения царя Додона в том и заключается, что в нем нет ничего хорошего, поэтому для него подобная процедура очищения равнозначна смерти.

И вновь в этой сказке А.С.Пушкина, как и в «Сказке о царе Салтане», мы встречаем древнюю, восходящую еще к общеиндоевропейской мифологии, идею трех вселенских начал: чистоты, святости, мудрости – белого; желания, страсти, действия – красного или золотого; незнания, инерции, злобы, разрушения, тьмы – черного. Причем, мысль эта высказывается почти открытым текстом: через желание, действие, которое ассоциируется с красным цветом или золотом, можно прийти либо к знанию, покою, святости, либо к незнанию, мраку, разрушению. Именно таковы здесь «белый, словно лебедь поседелый» звездочет и мудрец, отрешенный от суетности мира, – некий дух покоя и знания, абстрактное «оно»; золотой или красный (что в народной символике цвета одно и то же) петух – символ действия, и, наконец, черная сила – символ тьмы, злобы и смерти – Шамаханская царица, которая после смерти царя Додона «вдруг пропала, будто вовсе не бывало».

«Золотой петушок» – желания и действия нашего мира, и от того, каковы они, зависит, живую светлую или мертвую черную воду из тех самых источников жизни и смерти, что хранит в долине между гор «чета безмолвных духов с начала мира», предстоит испытать человеку.

Воистину, прав поэт!

«Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок».

В не менее чистом виде древний ведический сакральный комплекс сохранился в широко распространенной русской народной сказке «Крошечка-Хаврошечка».

Вспомним, что там мать (или прама-терь) как бы перевоплощается в корову, охранявшую свою дочь (Крошечку-Хаврошечку) и помогавшую ей прясть и ткать; корова затем трансформируется в дерево (яблоню) с волшебными плодами. Этот ряд хорошо известен еще в ведической традиции: Ддити (несвязанность, изначальность, мать богов) – одновременно и рожаящая женщина, и космическая корова, и «дерево с прекрасными листьями». В сказке о Крошечке-Хаврошечке мы вновь встречаемся со знакомым по «Сказке о Царе Салтане» и русским народным заговорам комплексом – матерью и тремя ее дочерьми. В данном случае это – Одноглазка, Двуглазка и Триглазка. В связи с образом Одноглазки стоит обратить внимание на то, что было отмечено еще Бируни в XI в. Он писал, что по представлению индийцев «Венера была одноглазой». Индийская Венера – богиня счастья, богатства, красоты, плодородия, супруга верховного бога-творца Вишну и мать бога любви Камы-Лакшми, согласно мифам, появилась из океана, когда боги и асуры взбивали его, чтобы получить напиток бессмертия – амриту. По другим преданиям она появилась из первозданных вод в самом начале творения. (Среди ее имен: Падма (лотосная), Индира (прекрасная), Лола (непостоянная) – кстати, широко распространенные гидронимы Русского Севера). В древнегреческой мифологии богини судьбы мойры или паркы – дочери богини неизбежности, необходимости Ананке – три пряжи, которые прядут и поют: Лахезис – о прошлом, Клото – о настоящем, Антропос – о будущем. Мы уже отмечали это, и можно было бы не возвращаться вновь к этому вопросу, но дело в том, что (согласно Платону) Афродита (т.е. Венера) почиталась древнейшей из мойр. Будучи богиней любви, красоты, изобилия, плодородия, браков и родов, она «являлась одной из первичных сил» и обладала «космическими функциями мощной, пронизывающей весь мир любви». Как и Лакшми, Афродита родилась из морской пены и одно из ее прозвищ Анадиомена, т.е. «появившаяся на поверхности моря». В русской народной сказке Одноглазка – старшая из 3-х сестер и, судя по сохранившейся до наших дней сакральной свадебной севернорусской орнаментике (браные праставки к свадебным полотенцам и рубашкам XIX – начала XX века), связана с брачными отношениями, воспроизводством потомства, т.е. выполняет функции Венеры. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что на праставках, как правило, изображаются стилизованные чередующиеся мужские и женские фигуры, между которыми помещены маленькие фигурки детей. Мужчины изображаются с характерными признаками пола и двумя глазами, а женщины – одноглазы. Интересно, что в вышивке, ткачестве и народной игрушке горных таджиков женские персонажи тоже одноглазы, а мужские – с двумя глазами.

Общеизвестно, что в русской народной традиции все, что связано с «тем светом», т.е. прошедшим, как правило, хромо, криво, косо. Имеет смысл вспомнить, что старшая из Мойр древнегреческой мифологии (Лахезис или Афродита, которая, кстати, была женой хромого бога-кузнеца Гефеста) пела о прошедшем, средняя – о настоящем (и, вероятно, была, как обычные люди, Двуглаза), а младшая – о будущем. Треглазка русской народной сказки обладала именно такой способностью видеть то, что недоступно всем остальным. И здесь мы вновь находим прямые аналогии в ведической мифологии, в которой зафиксировано представление о третьем глазе как символе прозорливости, провидения будущего.

С древнейшим обрядово-мифологическим комплексом встречаемся мы и в такой широко известной русской народной сказке, как «Гуси-Лебеди». Уже отмечалось ранее, что образы водоплавающих птиц, и в частности гусей-лебедей, в индоевропейском (и уже индоиранском) мифологическом сознании носят двойственный характер – это символы индивидуальной и космической души, неба, верховного божества, гармонии и передатчики души из мира живых в мир мертвых, а в этом качестве – помощники смерти. О том, что гуси-лебеди сохранились в русском народном мифопоэтическом сознании и в этой своей ипостаси – помощников смерти, свидетельствуют даже относительно поздние былички. Так, среди «Страшных сказок» Василия Тихова есть одна, в которой перед крестьянином, пришедшим на ночь в баню, появляется огненная собака. О связи бани с «тем светом», миром умерших, свидетельствуют многочисленные обряды, верования и заговоры. Так, в одном из них: «На море-океане, на острове-Буяне, стоит тут мыльня...». Баня (как и «дуб-карколист», «камень-Алатырь», «лебедь белая», «лягушка» и т. д.) маркирует собой сакральное пространство Вечности. Здесь имеет смысл вспомнить также, что в ведической традиции бога смерти Яму сопровождают две собаки – старая и молодая. Эта взаимосвязь смерти и двух собак фиксируется на Русском Севере уже

в эпоху мезолита, т.к. именно тогда (в VII тыс. до н.э.) в могильнике Попово в Каргополье был похоронен мальчик, рядом с которым лежали две ритуально убитые собаки – старая и молодая.

В «Страшной сказке» Василия Тихова огненная собака превращается в «лебедь белую», у которой «из пасти зубья торчат». Забравшийся в эту лебединую пасть крестьянин оказывается перед дубовой дверью, за которой находится иной мир (в данной быличке – жилище бесов). Таким образом, собака, а затем «лебедь белая» переправили героя этой былички в некое пространство между жизнью и смертью, откуда еще можно вернуться в мир людей, но, правда, уже в новом качестве.

В свете вышесказанного весьма показательным представляется тот факт, что на северной стене Мартирьевской паперти Новгородской Софии на 20 см. ниже уровня современного пола процарапано изображение бегущей собаки, а впереди нее – стая улетающих гусей или лебедей. То, что этот рисунок помещен в храме, причем в самой нижней части стены, представляется далеко не случайным. Вряд ли кто-либо позволил бы себе в то далекое время просто так процарапать стены главного собора Великого Новгорода, нанося на них ничего не значащие изображения.

В русской народной сказке Баба-Яга, которой помогают гуси-лебеди, отмечает собой сакральное пространство между жизнью и смертью и обладает двойственной природой – она может помочь герою, а может и съесть его. И это естественно, ведь на санскрите Яга – значит жертва, яг – жертвующий, пожертвователю. Баба-Яга держит нить человеческой жизни на грани бытия, и жертва может уйти навеки в «мир предков», а может вернуться в мир людей, получив новый облик, новые знания, т.е. в новом качестве. Но для подобного возвращения надо пройти определенные испытания, совершить необходимые обрядовые действия. Именно о таком пути туда и обратно и рассказывает сказка «Гуси-лебеди». Гуси уносят мальчика почти с порога родительского дома в мир Бабы-Яги. Его сестра отправляется вслед за ним, и первое, что встречается ей на пути, – печка – символ человеческого социального бытия. Ведь, действительно, мы – единственные живые существа, поддерживающие и получающие огонь искусственно, единственные в живой природе, термически обрабатывающие свою пищу. В печи лежит ржаной пирог – древнейшая форма искусственно полученного продукта питания. Печь и хлеб – два символа человеческой общины, семьи. Но героине сказки надо выйти за пределы человеческого социума и она не ест ритуальный хлеб. Далее на ее пути встречается яблоня. И снова символ, на сей раз здоровья, жизненной силы, красоты, мудрости (вспомним живильные, молодильные яблоки сказок, яблоки Гесперид и т. д.). И вновь героиня отказывается от того, что может задержать ее в мире живых. И в конце своего пути она встречает молочную реку с кисельными берегами – страшное пограничье двух миров. Вспомним, именно овсяный кисель с молоком – ритуальное блюдо, причем последнее, поминального и похоронного стола на Русском Севере. Именно овсяным киселем и молоком поминают родителей в так называемые «родительские» дни. До недавнего времени в восточных районах Вологодской области такой кисель творили обязательно на вечерней заре, варили на утренней, используя для этого деревянную посуду, в которую опускали раскаленные камни и помешивали кисель лодочным веслом (лодка, как мы знаем, считалась средством переправы на тот свет, не случайно еще в раннем средневековье скандинавы и руссы хоронили своих знатных покойников в ладьях). Не свершив поминального обряда и не вкусив ритуальной пищи, героиня сказки «Гуси-Лебеди» вступила в пространство межмирья, во владения Бабы-Яги. Поведение и мальчика, и девочки при возвращении в мир людей иное. Они пьют молоко и едят овсяный кисель, принося жертву предкам. Они едят яблоки, возвращая себе жизненную силу. Они съедают по ржаному пирогу, символу человеческой общины, и, кроме того, забираются в печь. Именно после этого гуси-лебеди прекращают погоню за братом и сестрой. Почему? Дело в том, что, забираясь в печь, мальчик и девочка совершают древний обряд перепечения, который сохранился на Русском Севере вплоть до наших дней. Считается, что если грудной ребенок перепутает день с ночью, постоянно плачет, болеет, то его как бы подменили и необходимо это дитя перепечь. Обряд перепечения должны проводить два человека – самая старая женщина в доме и самый маленький, способный стоять на ногах, ребенок. Собственно, ребенок ничего не делает, он просто присутствует при обряде. Бабка же, привязав младенца к хлебной лопате, трижды засовывает его в теплую русскую печку, приговаривая при этом: «Перепекаем подмена, выпекаем русака». После этого ребенок считается доведенным до необходимого состояния и как бы заново родившимся. Интересно, что в санскрите слово «рагираква» значит: готовый, пропеченный,

спелый, зрелый (умом), а «рагирасуа»: быть сваренным, поджаренным, созреть. Кстати, именно это и стремится сделать со своими жертвами Баба-Яга – сварить их, поджарить, т.е. перепечь для «того света», довести их до зрелости для существования в ином мире. В сказке «Гуси-лебеди» брат и сестра перепекаются для этого мира – мира живых людей, они обретают зрелость и выходят из печки уже качественно новыми людьми: не мальчиком и девочкой, а юношей и девушкой. Таким образом, перед нами в сказке фактически предстает описание обряда перехода в новую возрастную категорию, изменения социального статуса подростков, так называемый обряд инициации.

Надо отметить, что с похожей ситуацией мы сталкиваемся и в «Сказке о сестрице Аленушке и братце Иванушке», где неразумный брат, выпив воды из козьего копытца, стал козленочком. Но согласно ведическим установлениям при посвящении мальчиков и приведении их в ученики к жрецу-брахману, т.е. как бы во время их второго рождения, они обязаны были одевать новые, нестиранные одежды. Одежда мальчика-брахмана (жреца) должна быть из льняного полотна, кшатрия (воина) – из хлопка, вайшьи (земледельца) – из козьей шерсти. Причем, они носят также и шкуры в виде плащей: брахман – черной антилопы, кшатрий – пятнистого оленя, а вайшья (т.е. земледелец) – шкуру козы. При этом мальчик в обряде посвящения обязательно пьет воду, принимаемую из рук учителя. Но в русской народной сказке сестрица Аленушка и братец Иванушка – крестьянские дети, т.е. вайшьи или веси. Стоит вспомнить также, что Иванушка пытается выпить воды из коровьего копытца, но сестра его предупреждает: «Теленочком станешь»; затем из лошадиного копытца – и снова предупреждение: «Жеребеночком станешь!». И, наконец, положенное ему (как вайшью) козьему копытцу, испив из которого он стал козленочком. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что в сказке обрядовая структура архаичнее, чем древнеиндийская. Так, мальчик-брахман носит шкуру черной антилопы, но по традиции брахману жертвовали черную корову. Известно, что убийство коровы в Индии издревле категорически запрещено, и, судя по всему, шкура черной антилопы – замена черной коровьей шкуры. Кони – животные кшатриев-воинов, но в жертву приносится только белый жеребец и только царем. Кроме того, известно, что конь и олень взаимозаменяемы в ритуале. Таким образом, «теленочек», «жеребеночек» и «козленочек» в обряде посвящения – жрец, воин и земледелец, а в русской народной сказке мы вновь оказываемся лицом к лицу с прямой аналогией ведическим представлениям, сохранным вплоть до наших дней.

Не менее ярко и наглядно ведические истоки прослеживаются и в севернорусских былинах. Такова, например, былина «Исцеление Ильи Муромца», записанная в 1901 году от выдающейся беломорской сказительницы Аграфены Матвеевны Крюковой, представительницы знаменитой династии сказителей Крюковых, А.В.Марковым. Согласно сюжету быliny, трое калик переходящих попросили у Ильи Муромца «милосердие спасеную», но не «золотой казной», а «пивом сладким».

Илья Муромец трижды приносил каликам пиво и трижды допивал после них остатки, немало не смущаясь этим обстоятельством. То, как Илья принимал неожиданных гостей и выполнял все их пожелания, можно объяснить русскими обычаями гостеприимства. Так, С. В. Максимов в своем «Годе на Севере» рассказывает о том, как принимал его старик помор. Усаживая гостя под образа в красный угол, он говорил: «У нас, твоя милость, таков уж из веков обычай, коли и поп туда засел, да неожиданный гость пришел на ту пору – мы и попа выдвинем. Нежданный гость – почестей гость!». Говоря о святом своего гостя – Сергии Радонежском, хозяин объясняет: «Его, стало, святыми молитвами мне бог ноне гостя послал; он вымолил...» .

Но вот что говорится в Махабхарате об отношении к странникам, пустынножителям (в русском варианте – каликам переходящим): «Для пустынножителей полагается помощь вещами, ибо проводят жизнь эти благочестивцы, удостоенные пути благочестивцев, в изучении Писаний, в посещении криниц, в странствовании для лицезрения (святых) мест, в лежании на (голой) земле. Их полагается почтить вставанием, выходом навстречу, безропотной речью, предложением удобного сидения для отдыха, удобного ложа, угощением, уважением». Собственно, все это и делал Илья Муромец. Согласно ведическим установлениям вся жизнь свободнорожденного мужчины делится на три этапа: ученичество, домохозяин, странник. Илья Муромец, которому уже 30 лет – домохозяин и в этом своем качестве должен исполнять то, что положено домохозяину. «Для домохозяина нет лучшей (очистительной) криницы, чем гостеприимство... Старцев, больных, голодных, гонимых тайными

врагами сверх сил надо одарять имуществом, даже из запасов», ибо «Гость – (владыка) в мире Индры; в мире богов – знаток обрядов». Согласно древним арийским установлениям «тех, что (себе) не варят, наделять обязан домохозяин. Он должен всегда питаться остатками (от жертвы их), как амриту (т.е. напиток богов), всегда вкушая; (ибо) остаток жертвы – амрита (дающая) наслаждение, как (сама жертва) хавис». Хавис – это жертва предкам – подателям плодородия, силы и здоровья, но, как свидетельствует Махабхарата: «Здесь (у домохозяина) жертвами и обрядами ублажаются боги, напитками – предки», т.е. жертвенное возлияние хавис – возлияние предкам. Таким образом, Илья Муромец, допивая после калик переходящих (олицетворявших собой его предков) остатки пива, выполнял свой долг домохозяина. И более того, Илья – крестьянский сын, что постоянно подчеркивается в эпосе. В древнеарийском обществе существовало четыре сословных группы-варны: жрецов-брахманов, воинов-кшатриев, земледельцев и ремесленников-вашьев и слуг-шудр. В связи с этим сословным делением считалось, что жертва брахманов – подвиг, заключающийся в знании, жертва кшатрия – защита своего народа и убийство врага, жертва шудры – услужение, а жертва вайшьи (т.е. земледельца и ремесленника) – возлияние хавис.

Таким образом, Илья Муромец, как земледелец, также выполняет свой долг, принося установленную для земледельцев жертву предкам – возлияние хавис, т.е. «пиво сладкое», которым он поит калик переходящих. Из текста былины следует, что странники и Илья выпили из трех кубков.

Итак, перед нами обряд жертвоприношения предкам, которые дают герою здоровье, силу и предсказывают судьбу, говоря:

«Ты ище-то будешь ездить во чистом поли,
Во чистом-то поли тебе да смерть не писана».

Такое пророчество закономерно в свете ведических представлений о жизненном долге каждой варны. Ведь Илья Муромец – крестьянин, земледелец и ему (как вайшьё) умирать на ратном поле не обязательно, в то время как для воина (кшатрия) такая смерть – жизненный долг.

В тексте былины есть слова, подчеркивающие родство трех калик переходящих с Ильей и их сакральные функции. Об этом свидетельствует следующее обращение калик к Илье:

«Уж ты гой еси, ты цядушко единое,
Ты едино, ты цядушко любомое...»,
И его обращение к ним:
«Уж вы гой еси, мои милы калики,
Вы, переходящая спасены, переброжая».

Как и положено выходцам из иного мира, с «того света», калики не просто уходят из дома Ильи Муромца, они исчезают: «Ишше тут-то калики-ти стали всё невидимо; он нигде-то больше не завидел тут».

Надо отметить, что такая обрядовая архаика, зафиксированная на уровне древних арийских текстов, сохранилась не только в былинах и сказках, но даже в некоторых бытовых поведенческих нормах, характерных для русского народа.

Источник: http://alexfl.ru/vechnoe/vechnoe_skazki.html